

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 Марта.

СОДЕРЖАНІЕ: Недоразумѣніе съ администраціею. — Декадентство на сценѣ. *Мих. Столярова*. — Музыкальныя замѣтки. *Tritonus*. — Хроника театра и искусства. — 1840. *Юрія Бяляева*. — Театральныя замѣтки *А. К—елл*. — Заграницей. — Золотая муха (продолженіе), рассказъ *Д. Мамина-Сибиряка*. — Провинціальная лѣтопись. — Справочный отдѣлъ. — Объявленія.

№ 10.

Рисунки: «Между пѣснью и пляскою» съ карт. Штемберга. — Рошинъ-Инсаровъ въ гробу. — Освященіе новаго народнаго театра. — Кузнецъ-Вакула. — Пушкинскій вечеръ.

Портреты: Лещинскаго, Лендеръ, Асенковой и Пахульскаго.

Приложеніе: «Девятый валь», пьеса въ 4 д. С. И. Смирновой.

Принимается подписка на 1899 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по два руб.
1-го марта и 1-го июня.

Новые подписчики получаютъ все вышедшіе номера.

Контора журнала „Театръ и Искусство“, напоминаетъ гг. подписчикамъ, что при высылкѣ взносовъ, а равно и при всякихъ справкахъ и запросахъ въ конторъ, необходимо указывать № подписнаго билета или бандероли, подъ которой получается журналъ и, если возможно, то и прилагать печатный адресъ.

За перемѣну адреса петербургскаго на иногородній и обратно уплачивается 60 коп.; иногородняго на иногородній и городского на городской—25 коп.

С.-Петербургъ, 7 марта.

Когда въ концѣ сезона 1897--98 г. прошла радостная для театральнаго міра вѣсть о разрѣшеніи спектаклей въ Великомъ посту, мы высказали предположеніе, что порядокъ разрѣшенія спектаклей, въ зависимости отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи, представляется крайне неопредѣленнымъ и можетъ, именно вслѣдствіе своей неопредѣленности, отозваться неблагоприятно на театральныхъ предпріятіяхъ. Дѣйствительность подтверждаетъ наши предположенія. Вотъ одинъ изъ самыхъ недавнихъ примѣровъ.

Въ прошломъ году, въ Ригѣ, Великимъ постомъ давались русскіе драматическіе спектакли. И до облегченія, послѣдовавшаго въ прошломъ сезонѣ, русскіе спектакли давались Великимъ постомъ безпрепятственно на окраинахъ, что нельзя было не признать мѣрой вполне благоразумной, ибо окраины гораздо болѣе нуждаются, съ государственной точки зрѣнія, въ содѣйствіи такого культурнаго фактора, какъ театръ, а во-вторыхъ, русское населеніе на окраинахъ, за малыми изытціями, принадлежитъ къ образованному классу, котораго нравы, вѣрованія и вкусы едва ли могутъ подлежать легкой порчѣ, и едва ли требуютъ такой попечительной охраны.

Могла ли придти на умъ театральнымъ предпринимателямъ, что разрѣшенное въ 1898 г. не будетъ разрѣшено въ 1899 г.? Между тѣмъ, какъ гг. Любинъ и Салтыковъ, устроители спектаклей русской оперы, такъ и г. Ларинъ, представитель труппы Императорскихъ артистовъ, предполагавшіе дать рядъ спектаклей въ Ригѣ въ теченіи Великаго поста, получили уже въ самомъ концѣ масляницы сообщеніе, что спектакли на русскомъ языкѣ въ нѣмецкомъ городѣ Ригѣ разрѣшены не будутъ. Опер-

ное товарищество отправило уже свое имущество въ Ригу. Драматическое товарищество принуждено измѣнить свой маршрутъ. Въ общемъ, путаница и убытки. Впрочемъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, есть надежда на улаженіе дѣла.

Необходимость болѣе точной и ясной регламентации правъ и обязанностей администраціи относительно театральныя представленія, — очевидно, большое мѣсто провинціального театра.

Мы получаемъ по этому поводу очень много корреспонденцій. Изъ многихъ, — остановимся вкратцѣ на слѣдующемъ фактѣ.

Въ нѣкоторомъ городѣ любители задумали дать спектакль съ весьма похвальною благотворительною цѣлью въ залѣ клуба. Около двухъ недѣль мѣстный исправникъ не давалъ разрѣшенія, требуя письменнаго дозволенія отъ старшинъ клуба, хотя едва ли представлялась надобность въ такой формальности. Когда же, поборовъ свою гордость, распорядители представили дозволеніе, исправникъ, ссылаясь на циркуляръ, предписывающій контроль надъ благотворительными спектаклями, нашелъ, что 10-ти-рублевая плата за помѣщеніе клуба — такая сумма, которую онъ санкционировать не можетъ. Есть цифры, поражающія своею колоссальностью робкіе умы. Тогда была послана «петиція» губернатору, отъ котораго (разумѣется, черезъ извѣстный промежутокъ времени) получился слѣдующій отвѣтъ, приводимый нами in extenso въ виду его несомнѣнной характерности.

Въ отвѣтъ на просьбу Вашу имѣю честь увѣдомить Васъ, что я, съ своей стороны, въ силу существующихъ законоположеній и циркуляровъ, признаю дѣйствія г. исправника по возбужденнымъ Вами вопросамъ въ общемъ совершенно правильными, въ частности же мною преподаны ему, вмѣстѣ съ симъ, подлежащія указанія, руководствуясь коими онъ, вѣроятно, найдетъ возможнымъ разрѣшить предполагаемый Вами благотворительный спектакль.

Отвѣтъ, безспорно, крайне осторожный и, пожалуй, справедливый. Но существующія законоположенія можно толковать столь различно, что весьма легко пришлось бы обратиться въ сенатъ для преподанія «подлежащихъ указаній», и должно радоваться, что дѣло обошлось только при помощи губернатора.

Потребности жизни столь расширили настоящую область полицейскаго законодательства, что кодификація этой части Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій представляется намъ и крайне важной, и вполне благовременной. Ибо, какъ можно судить по вышеприведенному примѣру, есть города, въ которыхъ легче устроить элеваторъ, нежели спектакль съ благотворительною цѣлью.

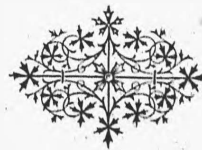

Отъ редакціи.

Второй выпускъ „Словаря сценическихъ дѣятелей“ предполагается издать въ Мартѣ мѣсяцѣ, почему покорнѣе просимъ дѣятелей, коихъ фамилія начинается съ буквы „Б“ поспѣшить присылкою біографическаго о себѣ матеріала.

Новые подписчики на 1899 г. могутъ получить 1 выпускъ „Словаря“ за 50 к. вмѣсто 75 к., съ пересылкою. Полные комплекты за 1898 г. разошлись, и нѣкоторые номера придется печатать вторымъ изданіемъ, почему высылка комплектовъ новымъ подписчикамъ временно приостановлена. Подписка на полные комплекты прижимается; комплекты за 1897 г. (2-е изданіе—въ крайне ограниченномъ количествѣ) по 10 р. (безъ пересылки).

Лицамъ, подписавшимся въ разсрочку и не внесшимъ второго взноса, высылка журнала будетъ приостановлена со слѣдующаго № 10-го.

ДЕКАДЕНТИЗМЪ НА СЦЕНѢ *).

За послѣднее время въ жизни и литературѣ развилось новое направленіе, извѣстное подъ именемъ „декадентства“. Точнаго опредѣленія этого направленія въ нашей критикѣ не имѣется, и декадентство часто смѣшиваютъ съ новымъ символизмомъ, отличающимся, кстати сказать, отъ стараго, большею туманностью, большею отвлеченностью. Можетъ быть, это обстоятельство и даетъ поводъ смѣшивать новый символизмъ съ декадентствомъ.

Въ настоящей статьѣ мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе различія между декадентствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и новымъ символизмомъ. Наша задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы на живомъ примѣрѣ показать типъ декадента, какъ онъ успѣлъ выясниться. Этотъ примѣръ мы находимъ въ извѣстной пьесѣ Генриха Ибсена, — „Геддѣ Габлеръ“.

Нужно замѣтить, что, вообще, драмы Ибсена не пользуются большимъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ у насъ, на сценѣ. Обстоятельство это, нужно думать, объясняется тѣмъ, что талантъ норвежскаго драматурга отмѣченъ печатью моралиста; прибавимъ, что тенденціи Ибсена облакаются преимущественно въ символическіе образы. Такое творчество на сценѣ для насъ непривычно, ибо, обыкновенно, со сцены мы воспринимаемъ непосредственно живую жизнь. Но „Гедда Габлеръ“, можно сказать, стоитъ особня-

*) Настоящая статья, излагающая содержаніе извѣстной пьесы Ибсена „Гедда Габлеръ“, прочтется, безъ сомнѣнія, не безъ интереса, въ виду благовременности ея появленія. Какъ извѣстно, „Гедда Габлеръ“ была недавно поставлена на сценѣ Художественно-общедоступнаго театра въ Москвѣ. Если не ошибаемся, это первая постановка пьесы на русскомъ языкѣ. За границей „Гедда Габлеръ“ очень популярна, а заглавная роль включена въ репертуаръ извѣстныхъ артистокъ.

комъ отъ другихъ драмъ Ибсена. Наравнѣ съ „Норой“ и „Врагомъ народа“, она пользуется заслуженнымъ успѣхомъ на сценѣ. И точно здѣсь гораздо болѣе жизни и наблюдений, чѣмъ символовъ и тенденцій.

Зарожденіе декадентства нужно искать въ реакціи противъ все болѣе и болѣе развивающагося буржуазнаго направленія нашей жизни и крайняго реализма, какъ выразители этого направленія въ литературѣ. Материализмъ, достигшій высшей точки своего развитія въ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, проникъ во всѣ сферы жизни. Даже искусство, — факторъ эстетическаго развитія, — въ принципѣ врагъ матеріальнаго, не избѣжало вліянія матеріализма. Известно, напримеръ, что наши реалисты, или, правильнѣе, утилитаристы шестидесятыхъ годовъ свели искусство на степень полезнаго орудія пропаганды практическихъ знаній. Всякій, конечно, знаетъ, — съ какою неподдѣльною серьезностью Писаревъ совѣтовалъ Щедрина бросить свое художество и заняться популяризацией естественныхъ наукъ. Все было направлено къ тому, чтобы содѣйствовать матеріальному споспѣшествованію жизни, и искусство превращается въ орудіе для этой же цѣли. Быстрый ростъ прикладныхъ знаній, величайшія открытія въ области техники относятся какъ разъ къ этому времени. Всѣ усилія направлены въ эту сторону. Человѣкъ былъ забытъ; имъ интересовались постольку, поскольку онъ подтверждалъ мысль о матеріальномъ развитіи жизни; на него взирали, какъ на естественную машину, за которой нужно присматривать, чтобы она не испортилась. Человѣкъ, какъ духовное существо, съ его религіозными, поэтическими и другими идеологическими стремленіями, былъ развѣнчанъ.

Это не могло долго продолжаться: рано или поздно пришлось обратиться къ самому себѣ, познать себя, заняться своею духовною личностью. Этотъ пово-

ротъ и замѣчается за послѣднія 10—15 лѣтъ. Въ современной беллетристикѣ произведенія съ субъективнымъ направленіемъ, съ авто-психологическимъ, если можно такъ выразиться, анализомъ, преобладаютъ надъ беллетристикою объективнаго характера.

Какъ это всегда бываетъ при всѣхъ новыхъ теченіяхъ, въ обновляющейся жизни замѣчаются на общемъ фонѣ особенно яркія пятна, выступающія крайности, неумѣющія приспособиться къ новой обстановкѣ, и потому выходящія изъ намѣченныхъ новымъ теченіемъ предѣловъ. Декадентство принадлежитъ, именно, къ такимъ крайностямъ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ натурами, у которыхъ горячка жизни отразилась съ особенной силой на всѣхъ фибрахъ ихъ существа, и напряженная нервная система которыхъ, получая чрезмѣрныя впечатлѣнія, не успѣвала на нихъ отвѣчать и претворять съ должнымъ спокойствіемъ. Отсюда притупленность нервовъ, грозящая остановкой жизни, апатіей ко все-

му окружающему. Тогда какъ въ медицинѣ понадобились особенныя возбуждательныя, особенныя сильно-дѣйствующія средства, особенныя впечатлѣнія, долженствующія поразить сознание какою-нибудь необычною новизною. И вотъ, является смѣлый полетъ фантазіи, стремленіе къ оригинальному, къ новымъ формамъ красоты. Рождается боязнь настоящей дѣйствительности, отъ которой бѣгутъ, какъ отъ пошлости, способной задушить человѣка. Внутреннее, осмысленное, опредѣленное содержаніе жизни исчезаетъ, потому что оно слагается изъ элементовъ опыта, изъ знанія окружающаго. А этого не можетъ быть, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы обратиться къ столь ненавистой дѣйствительности.

Къ новому типу людей, окрещенныхъ декадентами, и принадлежитъ героиня ибсеновской драмы „Гедда Габлеръ“.

Нѣкоторые усматриваютъ въ Геддѣ Габлеръ пере-

ВЫСТАВКА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩ. ХУДОЖНИКОВЪ.

Между пѣсней и пляской.

(Съ карт. Штрамберга).

ходный фазисъ въ жизни женщины, отъ ея зависимости отъ мужчины къ полной свободѣ. Такое мнѣніе, по моему, ошибочно, такъ какъ пьесенская героиня лишена инициативы. Ея активность, если можно выразиться, пассивнаго свойства, и не въ состояніи подвинуть человѣка ни на шагъ впередъ. Въ Геддѣ Габлеръ Ибсенъ изобразилъ полный упадокъ той жизни, которая бьетъ ключемъ въ нормальномъ организмѣ и тяготитъ свою дѣйствительностью ограниченную душу человѣка. Дѣйствительность требуетъ здоровой дѣятельности, требуетъ нѣкоторой жертвы и строга къ тѣмъ, кто не хочетъ исполнять ея требованій. Человѣкъ, неспособный къ дѣятельности и поставленный лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, естественно, ненавидитъ ее всѣмъ своимъ существомъ, и не хочетъ знать ея сущности.

Гедда Габлеръ принадлежитъ, именно, къ такой породѣ людей. Для нея не существуетъ внутренняго содержанія жизни, она ищетъ однихъ формъ,—формъ особенныхъ, „осѣненныхъ,—какъ говоритъ она,—невольной красотой“.

Самая виѣшность Гедды свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ ней всякаго внутренняго содержанія. „Лицо у нея матово-блѣдное, глаза стального цвѣта выражаютъ холодное, ясное спокойствіе“.

Въ началѣ пьесы мы застаемъ Гедду Габлеръ замужемъ за Іѳргеномъ Тэсманомъ, лекторомъ культурной исторіи, человѣкомъ ограниченнымъ, занимающимся разработкой филистерскаго вопроса—„о домашней промышленности въ средніе вѣка“—съ цѣлью получить профессорскую кафедру. Самая же нитьба была дѣломъ странной случайности. Однажды Гедда гуляла съ Тэсманомъ. Они проходили мимо прекрасной виллы, и такъ какъ Тэсманъ не находилъ темы для разговора, Гедда посетила къ нему на помощь. Она высказала вслухъ, что желала бы жить въ этой виллѣ. Тэсманъ съ радостью ухватился за эту мысль, „а это,—объясняетъ Гедда ассессору Браку,—повлекло за собой помолвку, и свадьбу, и свадебное путешествіе, и все остальное“. Въ данномъ случаѣ Гедду занимала больше всего неестественность той обстановки, при которой совершилось все это. Но по выходѣ замужъ, ей было совершенно непонятно, зачѣмъ ей Тэсманъ и зачѣмъ она ему. Ей чуждо содержаніе супружеской жизни, а что касается формы, то она не имѣетъ той прелести, какой жаждетъ Гедда, она не „осѣнена невольной красотой“. Обязанности матери отталкиваютъ Гедду своею грубой дѣйствительностью. Интересна бесѣда ея съ ассессоромъ Бракомъ по этому поводу:

Бракъ. У васъ не было въ жизни (до замужества) ничего по-истинѣ пробуждающаго.

Гедда. Т. е., вы хотите сказать, ничего серьезнаго?

Бракъ. Да, пожалуй, можно назвать это и такъ. Но теперь это, можетъ быть, придетъ.

Гедда (закидывая голову назадъ). О, вы подразумеваете неприятности изъ-за несчастной кафедры. Съ этимъ пусть вѣдается Тэсманъ самъ. На это я, право, не потрачу и единой мысли.

Бракъ. Нѣтъ, нѣтъ, оставьте это. Но если вамъ представится то, что... ну, говоря высокимъ слогомъ—называется серьезными — и отвѣтственными обязанностями дома. (Улыбаясь). Новыя обязанности, любезная мадамъ Гедда.

Гедда (гнѣвно). Молчите, никогда вы не увидите ничего подобнаго.

Бракъ (осторожно). Мы поговоримъ объ этомъ черезъ годъ — не позже.

Гедда (рѣзко). У меня нѣтъ склонности ни къ чему подобному, г-нъ ассессоръ. Нечего представлять мнѣ обязанности!

Бракъ. Неужели у васъ нѣтъ склонности къ призванію, которое...

Гедда. Ахъ, молчите, говорятъ вамъ! Иногда мнѣ кажется, что у меня есть способность только къ одному.

Бракъ. Что же это, если можно узнать?

Гедда. Скучать до смерти!

О любви также не можетъ быть рѣчи, такъ какъ это понятіе заключаетъ въ себѣ вѣкоторый внутренній смыслъ, для нея же никакихъ внутреннихъ значеній не существуетъ. Одно слово „любовь“, какъ-то произнесенное тѣмъ же Бракомъ, добивавшимся быть другомъ дома Тэсмановъ, вызываетъ отвращеніе у Гедды:—„У! не употребляйте этого пошлаго слова“,—замѣчаетъ она ему. Единственно, чего Гедда рѣшила строго держаться въ супружеской жизни, это—не быть невѣрной по отношенію къ мужу. Сдерживать ее въ данномъ случаѣ не нравственная отвѣтственность передъ долгомъ, а боязнь скандала, т. е. вторженія въ семейныя дѣла грубой дѣйствительности. Внутреннихъ угрызений совѣсти для нея не существуетъ: она была бы совершенно свободна въ своихъ поступкахъ, если бы всѣ послѣдствія оставались внутри нея, но въ томъ-то и бѣда, что существуетъ объективная дѣйствительность,—установившіяся общественныя отношенія, которыя противны ей, которыхъ она „знать не хочетъ“.

Все несчастіе Гедды, вся тоска, связывающія ее по рукамъ и ногамъ, парализующія ея стремленія, заключаются въ томъ, что ее тянетъ къ красивымъ,—т. е., по ея мнѣнію, выходящимъ вонъ изъ ряда дѣйствительныхъ,—формамъ, но всякому ея попользованію въ этомъ направленіи угрожаетъ дѣйствительность.

Когда-то она какъ будто любила Эйлерта Левборга, бездупнаго, но талантливаго юношу. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось этому послѣднему, когда онъ раскрывалъ передъ ней свою мятежную душу, и она сочувственно относилась къ перипетіямъ его жизни, засыпала его вопросами. И онъ поддавался ея вліянію, чувствовалъ надъ собой ея силу. „Я,—говоритъ онъ Геддѣ,—разсказывалъ вамъ о себѣ то, чего никто другой не зналъ тогда. Признавался, какъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ не бывалъ дома и безумно проводилъ ихъ“. Ему казалось, что онъ тронулъ ея сердце. И что же? Оказывается, что и тутъ была только одна погоня за красивыми формами. „Было что-то прекрасное, что-то заманчивое, что-то смѣлое,—говоритъ Гедда Левборгу,—въ... въ этой тайной дружбѣ... въ этихъ товарищескихъ отношеніяхъ, о которыхъ не подозрѣвала ни одна живая душа“. Ей, тогда еще молоденькой дѣвушкѣ, правилась безшабашная жизнь Эйлерта только потому, что она была ей неизвѣстна, потому, что она особенная, такъ или иначе противорѣчащая обыденной дѣйствительности.

Но когда ея любопытству грозила дѣйствительность, когда Левборгъ изъ товарища къ „жаждѣ жизни“ рискнулъ перейти въ болѣе близкія отношенія, Гедда Габлеръ немедленно порвала съ нимъ всякія сношенія, „потому что,—говоритъ она,—явилась опасность, что дѣйствительность вторгнется въ наши отношенія“. Она признается ему, что очень труслива, что тогда же хотѣла застрѣлить его, и если не сдѣлала этого, то лишь потому, что надѣялась въ послѣдствіи найти въ немъ большее наслажденіе, котораго такъ жаждетъ ея натура.

И вотъ они снова встрѣчаются. Эйлертъ Левборгъ, оттолкнутой Геддой, уединился въ семействѣ судьи Эльвстедъ, куда онъ былъ приглашенъ гувернеромъ къ дѣтямъ. Здѣсь онъ близко сошелся съ хозяйкой дома, которая вдохновила его, и онъ отдался весь своему любимому занятію. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ г-жи Эльвстедъ, Эйлертъ написалъ надѣлавшую много шуму книгу объ исторіи культуры съ древнихъ временъ до настоящаго времени, а въ рукописи заготовилъ продолженіе этой книги—о культурныхъ силахъ будущаго.

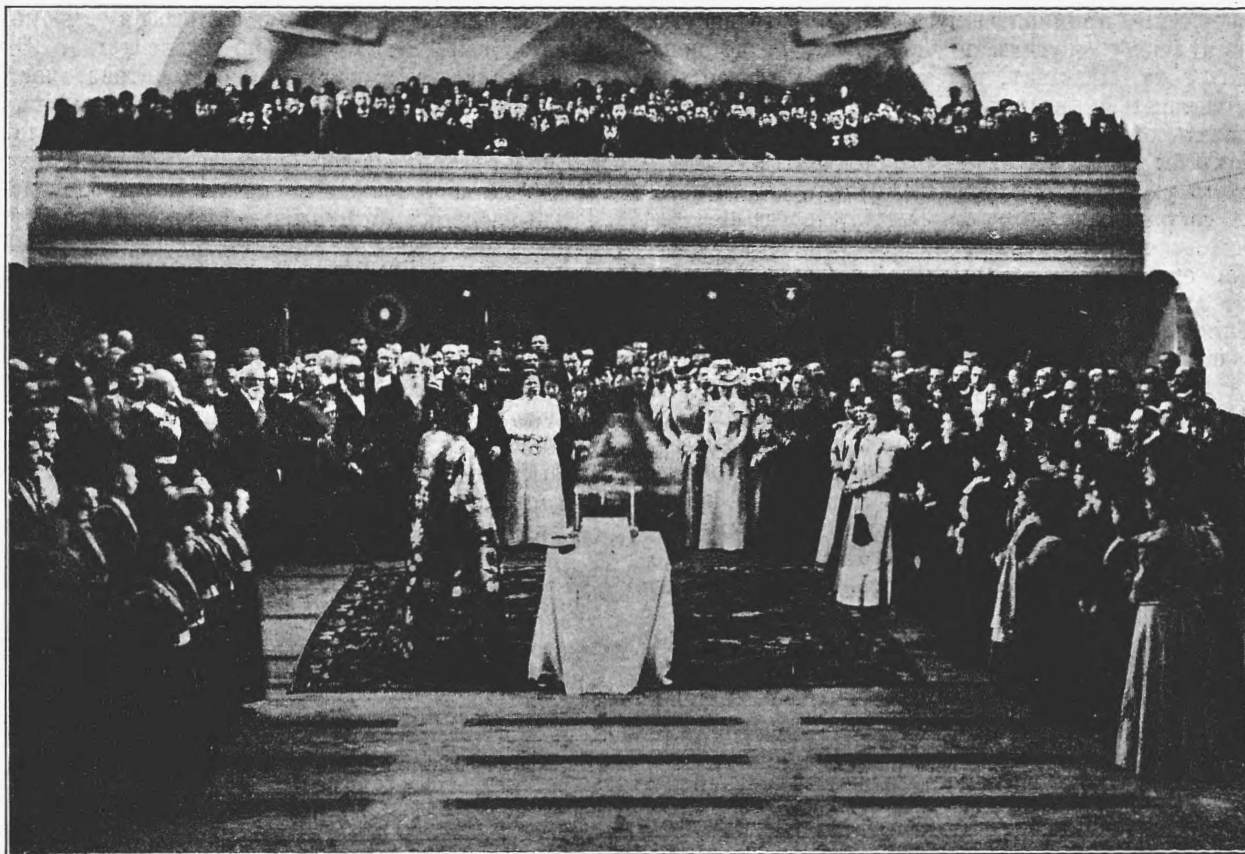
Но какъ только работа была кончена, Левборга

потянуло опять въ шумный городъ. За нимъ послѣдовала и г-жа Эльвстедъ, чтобы здѣсь поддержать Эйлерта на случай, если съ нимъ приключится бѣда. Она отыскиваетъ семейство Тасмановъ и является въ качествѣ бывшей подруги по институту къ Геддѣ Габлеръ.

Узнавъ о цѣли прихода г-жи Эльвстедъ, Гедда, предвидя нѣчто пикантное, или, по ея понятію, „красивую форму“, начинаетъ пускать въ ходъ чисто бѣсовскія уловки. Она старается войти въ ея расположеніе, уговариваетъ ее, говоритъ другъ другу „ты“, цѣлуетъ ее, гладитъ ей руки, какъ малому ребенку... и все это для того, чтобы добиться отъ нея при-

дѣйствительности, отбиваетъ у нея всякую охоту къ дальнѣйшимъ разспросамъ своей подруги. Случайное появленіе мужа даетъ поводъ прекратить всякій разговоръ. „Тише, испуганнымъ шопотомъ говорить она. Тасманъ идетъ! Тея,—все это должно остаться между нами“.

Появленіе Эйлерта немедленно рисуется Геддѣ заманчивую перспективу. Она рѣшаетъ сдѣлать его орудіемъ своего страннаго наслажденія, разрушить принципы, начавшіе складываться въ немъ подъ вліяніемъ г-жи Эльвстедъ. Зная изъ прежняго опыта слабость Левборга къ вину, Гедда предлагаетъ ему стакапъ пуншу, а когда тотъ отказывается, убѣж-

Освященіе новаго народнаго театра С.-Пет. Попеч. о народной трезвости на Глухоозерской ул.
(Съ фотографіи Н. Дорофьева).

знанія въ томъ, какъ завязалась у нея связь съ Левборгомъ.

Г-жа Эльвстедъ идетъ на ловко брошенную удочку. Она рассказываетъ Геддѣ всѣ подробности своего романа включительно до откровенности, что она рѣшила окончательно бросить мужа и жить тамъ, гдѣ будетъ Эйлертъ Левборгъ. Съ какимъ наслажденіемъ внимаютъ Гедда признаніямъ откровенной г-жи Эльвстедъ. Но достаточно малѣйшаго намека на дѣйствительность, какъ Гедда вдругъ охладѣваетъ ко всему. Когда же г-жа Эльвстедъ въ своемъ увлеченіи откровеннымъ признаніемъ замѣчаетъ, что она боится потерять Левборга болѣе всего потому, что между нимъ и ею „стоитъ тѣнь женщины“, Гедда Габлеръ настораживаетъ уши. Она спѣшитъ узнать,—не говорил ли чего объ этой женщинѣ Эйлертъ, а когда слышитъ, что „онъ сказалъ, что когда они разстались, она хотѣла застрѣлить его изъ револьвера“,—холодно, овладѣвъ собой, обрываетъ г-жу Эльвстедъ: „Ахъ, глупости! Здѣсь этого не бываетъ“. Она узнаетъ себя въ этой женщинѣ, и одна мысль о томъ, что ея имя можетъ сдѣлаться достояніемъ обиденной

даетъ сдѣлать это для другихъ, такъ какъ „люди могутъ подумать, что вы... въ сущности... Чувствуете себя не совсѣмъ свободно,—не совсѣмъ увѣрены въ себя“. Эта попытка играть на стрункѣ человѣческаго самолюбія не удалась Геддѣ. Левборгъ остается непоколебимымъ.

О, теперь Гедда ни передъ чѣмъ не остановится! Она забываетъ про обѣщаніе держать въ тайнѣ разговоръ ея съ г-жей Эльвстедъ, забываетъ даже про своего страшнѣйшаго врага дѣйствительность. „Значитъ, съ ехидной улыбкой замѣчаетъ Гедда Левборгу, непоколебимы! Разъ навсегда,—твердые принципы! Да, такимъ долженъ быть мужчина... Ну, развѣ не говорила я тебѣ (т. е. Теѣ) этого, когда ты въ смертной тревогѣ прибѣжала сегодня утромъ“. Тогда Левборгъ выпиваетъ стакапъ пуншу, а затѣмъ отправляется на пирушку къ ассессору Браку.

Какъ и раньше бывало съ Левборгомъ, пирушка оканчивается для него печально. Отъ Брака онъ попадаетъ въ салонъ пѣвицы м-лле Діаны, а оттуда въ участокъ. Послѣ такого скандала имя Левборга, которое онъ хотѣлъ поднять въ общественномъ мнѣ-

ни, еще болѣе должно упасть. Но главное не въ этомъ. На пути отъ Брака онъ теряетъ свою рукопись, которую вмѣстѣ съ г-жей Эльвстедъ считалъ своимъ дѣтищемъ. Рукопись случайно находитъ Тэманъ, а отъ него она попадаетъ въ руки Гедды. Она-то и доводитъ нашего героя до страшнаго конца.

Что побуждало ее утаивать рукопись, что заставило ее, наконецъ, сжечь ее? Судя по ея безумному полету: „вотъ я сжигаю твое дитя, Тея! О, ты, съ твоими локонами, твое и Эйлерта Левборга! Вотъ я сжигаю... сжигаю ребенка“,—легко заподозрѣть въ Геддѣ ревность къ г-жѣ Эльвстедъ. Но, вѣдь, она никогда не любила Левборга! Тутъ не ревность, а ненависть къ человѣку, нашедшему въ жизни смыслъ и содержаніе, примирившемуся съ дѣйствительностью и съумѣвшему другихъ подчинить ей, Геддѣ ненавистна г-жа Эльвстедъ, потому что она мѣшала ей воспользоваться наслажденіемъ, которое могъ бы доставить ей Эйлертъ Левборгъ.

Какъ бы то ни было, но власть Тен надъ Левборгомъ утрачена. Левборгъ въ отчаяніи,—и въ такомъ состояніи является къ Геддѣ. Передъ ней онъ изливаетъ свою душу, выясняетъ то значеніе, какое имѣла его рукопись для него самого и для г-жи Эльвстедъ, называетъ эту послѣднюю своимъ вдохновеніемъ. Считая себя окончательно погибшимъ, онъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ тотъ моментъ, когда Гедда навела на него дуло своего пистолета. Зачѣмъ она не сдѣлала маленькаго движенія,—не спустила курка? Съ дявольскимъ хладнокровіемъ вынимаетъ Гедда изъ ящика тотъ самый пистолетъ, о которомъ только что говорилъ Левборгъ и, подавая его этому послѣднему, говоритъ твердымъ голосомъ: „вотъ онъ! Спустите его теперь вы! Но только красиво, Эйлертъ Левборгъ. Общайте мнѣ это!“

Съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣчаетъ Гедда вѣсть объ убійствѣ Левборга! Правда, ей хотѣлось, чтобы онъ застрѣлился въ „високъ“, но и „въ грудь тоже хорошо“.—„Наконецъ-то, хоть одинъ подвижъ!“—восклицаютъ она громко въ присутствіи всѣхъ, и когда всѣ удивляются ея экзальтированному состоянію, она добавляетъ: „Я говорила, что это красиво“.

Но ликованію Гедды продолжалось недолго. Дѣйствительность ждала ее за угломъ. Оказалось, что Левборга нашли убитымъ въ салонѣ m-Ne Дианы, причемъ пистолетъ былъ у него въ карманѣ. Трудно предположить при такихъ условіяхъ самоубійство, т. е. подвижъ, „освѣщенный невольной красотой“,—тѣмъ болѣе, что пуля попала ему въ животъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего опечалило Гедду: „этого недоставало, говоритъ она съ отвращеніемъ. Какъ будто смѣшное и пошлое неизбежно соединяется со всѣмъ, къ чему я не прикасаюсь!“

Но это еще не все. Убійствомъ Левборга ассессоръ Бракъ надѣется добиться, наконецъ, расположенія Гедды. Съ этой цѣлью онъ рисуетъ ей затруднительное положеніе, въ какомъ она очутилась благодаря пистолету, найденному въ карманѣ убійцы. Бракъ узнаетъ въ немъ пистолетъ Гедды. Она должна отдаться ему, и онъ скроетъ тайну. Въ противномъ случаѣ ей остается заявить полиціи, что пистолетъ украденъ у нея Левборгомъ, или подаренъ ему ею. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ей грозитъ перспектива предстать передъ судомъ въ качествѣ свидѣтельницы вмѣстѣ съ m-Ne Дианой.

Лицомъ къ лицу съ самой грязной дѣйствительностью! Нѣтъ, это невозможно для Гедды! Но что же дѣлать? Отдаться Браку? Но, вѣдь, въ этомъ не менѣе грубая дѣйствительность: зависѣть отъ воли

и каприза другого человѣка, который можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію.

Чѣмъ же выразить протестъ дѣйствительности? „Красивой формой!“ Но раньше была возможность пользоваться этимъ при посредствѣ другихъ, теперь этой возможности нѣтъ у Гедды. Нужно забыть свою трусость и совершить, наконецъ, самый красивый подвижъ. И Гедда совершаетъ его: каламбури съ ассессоромъ Бракомъ, она застрѣливается въ „високъ“.

Вотъ женщина, въ образѣ которой Ибсенъ воплотилъ то модное вѣяніе, которое окрещено именемъ „декадентства“. Представители декадентства видятъ въ ней живое олицетвореніе своихъ заветныхъ мечтаній. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о „Геддѣ Габлеръ“ г. Минскій,—авторъ философін „мэновъ“, въ душѣ самъ вздыхающій по декадентствѣ. „Это—единственный его живая пьеса, безъ математическихъ задачъ, въ которой герои дѣйствуютъ и живутъ для себя, а не для идеи. Ибсенъ захотѣлъ воплотить упадокъ нравовъ нашего вѣка, и во всякой странѣ, гдѣ бы ни отразилось вліяніе великаго декаданта, „Гедда Габлеръ“ будетъ для всѣхъ понятный образъ! Въ чемъ заключается сущность декаданта? Въ томъ, что непосредственное сознаніе цѣли жизни покинуло людей. Средства замѣнили цѣль, формы жизни сдѣлались многообразнѣе и прекраснѣе, чѣмъ когда либо, но въ нихъ изсѣкло живое содержаніе. Всѣ черты воплощены въ „Геддѣ Габлеръ“ съ удивительною полнотою. Въ ея жизни все безцѣльно и случайно. Она любитъ вишнюю красоту и не знаетъ истины, боится скандала и равнодушна къ чести, страдаетъ отъ ревности, не испытывая любви“.

Мих. Столяровъ.

Музыкальныя замѣтки.

Все хорошо, что хорошо кончается! Вершители судьбы абонементныхъ концертовъ Музыкальнаго Общества прекрасно сдѣлали, пригласивъ г. Ганса Рихтера дирижеромъ послѣдняго концерта и поставивъ на программу 9-ю симфонію Бетховена, давно у насъ не исполнявшуюся. Глубокое эстетическое впечатлѣніе, вынесенное отъ этого концерта, заставило насъ забыть и нѣкоторыя сѣренькія программы этого сезона и тѣхъ сѣренькихъ солистовъ, которые, Богъ вѣдаетъ для чего, приглашались распорядителями. Дирекція хорошо сдѣлала бы, пригласивъ г. Рихтера на весь будущій сезонъ. Во главѣ нашихъ образцовыхъ концертовъ стало бы лицо съ европейской репутацией, который съумѣлъ бы установить единство въ направленіи этихъ концертовъ,—единство, неизбежно нарушаемое появленіемъ случайныхъ дирижеровъ, какъ оно было за послѣдніе годы. Я поклонникъ г. Рихтера и считаю его выдающимся музыкантомъ, а слѣдовательно, и человѣкомъ стоящимъ, въ всякихъ партій (вѣдь только мелкія музыкальныя души способны видѣть благо единственно въ томъ культѣ, жрецомъ коего состоятъ), а по этому и убѣжденъ, что при составленіи программы имъ не будутъ забыты и тѣ представители отечественной музыки, произведенія которыхъ должны украшать программы симфоническихъ концертовъ. Къ тому же имя г. Рихтера подняло бы и репутацію концертовъ Музыкальнаго Общества, которая, достигнувъ апогея во времена Ганса фонъ-Вюлова, постепенно слабѣла, благодаря ошибкамъ администраціи, а публика замѣтно къ нимъ охладѣвала. Если они все же посѣщались, то потому лишь, что другихъ концертовъ не было, да и потому еще, что привычка въ этомъ отношеніи играть извѣстную роль... Вѣдь посѣщаетъ же эти концерты цѣлая группа людей, ничего не смыслящая въ симфонической музыкѣ, только потому, что не быть на „субботахъ“ Музыкальнаго Общества—прегрѣшеніе противъ кодекса свѣтскаго человѣка! Понимающихъ и искренно любящихъ симфоническую музыку у насъ

только горсточка, которую и встрѣтите всюду, гдѣ хорошей музыкѣ отводить пріютъ.

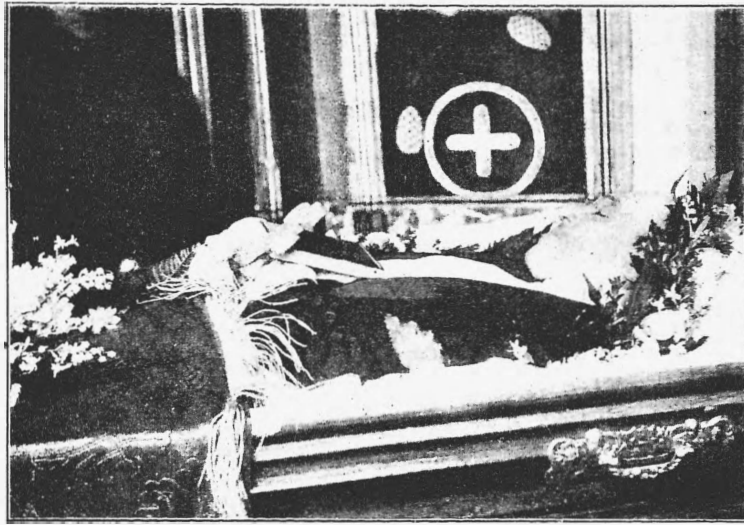
Субботняя программа заключала въ себѣ увертюру къ „Ромео и Жульеттѣ“ Чайковскаго, шотландскую фантазію для скрипки К. Вруха (солистъ г. Ауэръ) и упомянутую 9-ю симфонію съ хоромъ на оду Шиллера-Бетховена.

Увертюра Чайковскаго—одна изъ первыхъ его работъ, но изъ тѣхъ его первыхъ и талантливыхъ произведеній, которые ему сразу проложили путь къ славѣ, открывъ доступъ въ концерты въ качествѣ симфониста. Шекспировская драма какъ нельзя лучше подходила къ поэтической натурѣ композитора, воплотившаго своихъ героев въ музыку, которая дышитъ красотой отъ первой до послѣдней ноты. Даже нѣкоторыя длинноты, заключающіяся въ партитурѣ, не способны расхолодить внимательныхъ слушателей. Какъ жаль, что Чайковскому не удалось написать цѣлую оперу на этотъ сюжетъ (какъ извѣстно, онъ одно время думалъ эту мысль). Я убѣжденъ, что драматическая литература обогатилась бы произведеніемъ, заставившимъ наблюдать и безъ того блѣдныя произведенія Беллини и Гуно. Эпизоды шекспировской драмы охарактеризованы Чайковскимъ съ большимъ мастерствомъ. Какъ вдохновенна, напр., широкая, жгучая любовная тема, которой предшествуетъ красивая, но мѣткая музыкальная иллюстрація тихой южной ночи! Вы положительно слышите и шепчѣте, несущійся въ воздухѣ на подобіе Эоловой арфы, и шопотъ этихъ двухъ влюбленныхъ, которые, замирая въ страстныхъ объятіяхъ, рискуютъ, будучи застигнутыми, заплатить жизнью. Прекрасно также мрачное пѣніе монаховъ, служащее вступленіемъ къ увертюрѣ, и очень характерно иллюстрируетъ

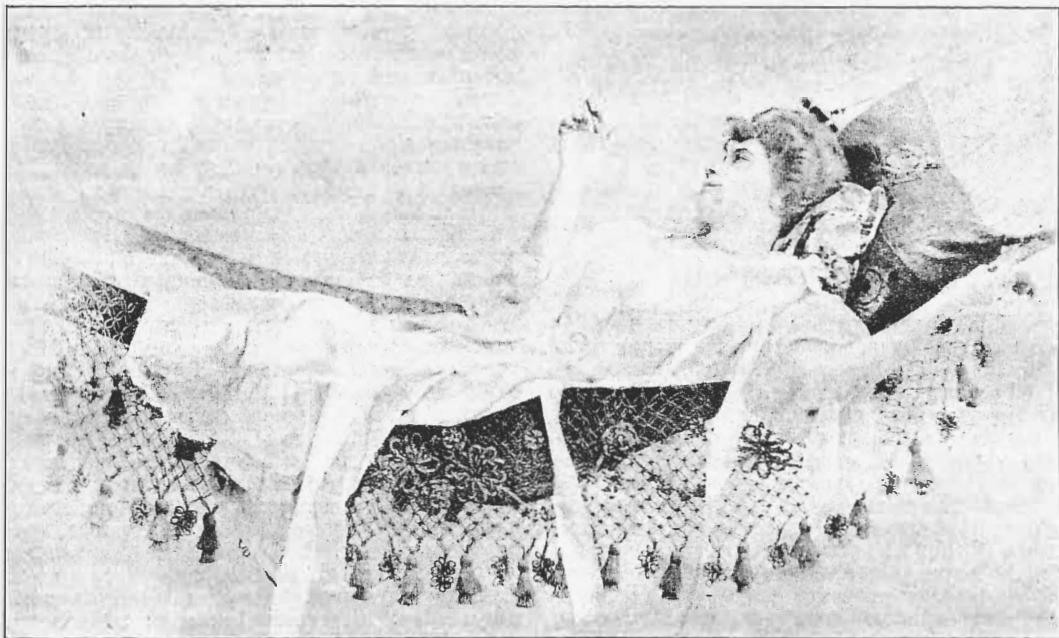
скаемый при концертахъ Музыкальнаго Общества, на этотъ разъ, почему-то, былъ поднятъ и всѣ отрицательныя стороны акустики консерваторскаго зала выступали съ особенною силою. Симфонія Бетховена тоже не мало пострадала отъ нихъ.

Девятая (послѣдняя) симфонія Бетховена при первомъ ея исполненіи вызвала недоумѣніе у слушателей и разнообразнѣйшіе толки музыкантовъ: кто видѣлъ въ ней явные признаки угасающаго гениа, а кто и прямо объявилъ ея творца сумасшедшимъ. Впослѣдствіи критики терпѣлись въ догадкахъ, какую мысль ея творецъ въ ней хотѣлъ провести, и на этой зыбкой почвѣ появились опять-таки разнорѣчивыя мнѣнія, доходившія до того, что нѣкоторые старались доказать, что въ симфоніи заключалось чуть ли не рѣшеніе

политико-религіозныхъ вопросовъ! Особенно смущали ихъ финалъ съ хоромъ на оду Шиллера, содержание коей и давало преимущественно богатый матеріалъ для этихъ толковъ. Да и въ наше время, не взирая на частыя повсюду исполненія этой симфоніи, мнѣнія о ней расходятся: нѣкоторые чистосердечно сознаются въ непониманіи ея, а другіе, въ особенности музыкальные фарисеи, которыхъ не мало, превозносятъ 9-ю симфонію надъ всѣми другими симфоніями Бетховена, претендуя на пониманіе ея. Опредѣлить точныя намѣренія автора, конечно, нельзя; ибо авторъ не даетъ на этотъ предметъ никакихъ указаній, а догадки останутся таковыми, ибо кому на самомъ дѣлѣ доступны тайники души композитора? Полагаю, что самымъ разумнымъ будетъ видѣть въ этой симфоніи только логическую послѣдовательность развитія и расширенія рамокъ ея: инструментальныя средства исчерпаны, и вотъ гениальность творца симфоніи, доведшаго ея развитіе до

Рощинъ-Исаровъ въ гробу.

Г-жа Лендеръ въ пьесѣ «Papa la vertu».

(См. заграничій).

кровавыя распри враждующихъ семействъ. Исполненіе, признаюсь, мало меня удовлетворило. Я вспомнилъ увлекательнаго Никиша, сумѣвшаго одухотворить это произведеніе. Поэтичные герои драмы казались далекими сердцу спокойнаго германца... Звучность оркестра удовлетворила меня еще менѣе. Желѣзныя запавшѣ; обыкновенно опу-

апогея, наталкиваетъ его на мысль воспользоваться средствами вокальными. Presto трехъ-дольнаго размѣра разражается словно громъ и молнія съ небесъ и переходитъ въ вокальный речитативъ (слова Бетховена): „Друзья, оставимъ грустные пафѣвы, запоемъ другіе, радостныя!“ Затѣмъ слѣдуетъ хоръ на оду Шиллера. Не истуевъ ли языкъ

словъ речитатива, чѣмъ руководствовался Бетховенъ, создавая инструментально-вокальный финалъ? Мрачное настроеніе первыхъ частей симфоніи объясняется тѣми нравственными страданіями, на которыя композиторъ былъ обреченъ, благодаря неизлечимой глухотѣ. Въ остальномъ въ симфоніи особенныхъ отступленій нѣтъ, а тѣ, которыя на лицо, относятся къ нѣкоторымъ формамъ отдѣльныхъ ея частей. Но къ этому у Бетховена не привыкать. Гдѣ онъ повторяется? Въ великихъ сомнѣній—последняя симфонія, величайшее симфоническое произведеніе петкающаго столѣтія! Правится ли она поэтому больше другихъ?—Это вопросъ открытый. Я убѣжденъ, что если-бы всѣ пожелаали сознаться откровенно, то указали бы на Эронку, на пятую, да на какую-нибудь изъ всѣхъ девяти, имъ созданныхъ, какъ на симфоніи, въ которыхъ Бетховенъ, еще не находясь подъ гнетомъ неизлечимаго недуга, насъ дарилъ болѣе близкой нашему сердцу музыкой.

Переходя къ самому вокальному финалу, нужно признать, что Бетховенъ не заботился о голосахъ; онъ смотрѣлъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія инструменталиста. Звучность хоромъ, благодаря высокой тесситурѣ, жидкая, не особенно красивая и для достиженія хорошей звучности требуются большія хоровыя массы. Ни солисты (г-жи Вугкевичъ, Фридъ и гг. Чуришиниковъ, Серебряковъ), ни хоръ Музыкальнаго Общества не удовлетворили насъ. Имѣя въ виду всѣ неудобства и трудности, заключающіяся въ партитурѣ, не будемъ строги къ исполнителямъ. Кстати о хорѣ. Почему онъ поетъ свои партіи, сидя? Ни за-границей, ни у насъ ничего подобнаго прежде не было: при исполненіи хоръ вставалъ, какъ дѣлаютъ и солисты, а не возсѣдалъ въ удобныхъ креслахъ, на подобіе членовъ соборовъ. Если это нововведеніе—то это во всякомъ случаѣ неудачно.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что въ первыхъ тактахъ симфоніи мы встрѣчаемся съ инструментальнымъ эффектомъ, которымъ широко воспользовался Рихардъ Вагнеръ во вступленіи къ тетралогіи Золота Рейна... Да кто, впрочемъ, не грѣшеть передъ Бетховеномъ, сохранившимъ все музыкальное искусство, во всѣхъ его отрасляхъ лучами своего гения!..

Г. Ауэръ игралъ концертъ Бруха съ присутствіемъ этому прекрасному артисту качествами. Онъ заставилъ меня вспомнить нѣвца, одареннаго чуднымъ голосомъ, но отъ исполненія котораго вѣтъ холодкомъ... Конечно, онъ биссировалъ и этимъ доставилъ не мало удовольствія своимъ поклонникамъ, которыхъ, думаю, можно насчитать сотнями...

Trilonus.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ четвергъ М. Р. Савина уѣхала въ Берлинъ на гастроль. Какъ мы уже сообщали, въ составъ труппы входятъ гг. Аполлонскій, Борисовъ, Горевъ, Долиновъ, Озаровскій и др.; г-жи Моравская, Стравинская, Уварова и др. Представленія будутъ происходить въ театрѣ Лессинга, одномъ изъ лучшихъ берлинскихъ театровъ. Всѣхъ представлений предполагается 7. Труппа получила приглашеніе отъ берлинскаго Королевскаго театра дать на немъ три представленія. Одно изъ нихъ будетъ состоять изъ зрительей „по особому приглашенію“, причемъ, какъ мы слышали, императоръ Вильгельмъ выразилъ желаніе видѣть „настоящую“ и, по возможности, бытовую русскую пьесу. Для гастрольей составлены либретто пьесъ на нѣмецкомъ языкѣ. Это—первая серьезная попытка показать наши артистическія силы за границей и познакомиться съ русской школой сценическаго искусства, которая имѣетъ, безспорно, свои крупныя достоинства. Нѣмцы относятся къ этой попыткѣ съ сочувствіемъ и съ большимъ вниманіемъ, ибо нѣмцы очень серьезный народъ и пора понять, сколько истинной культурности заключаетъ въ себѣ Германія, къ которой у насъ почему-то относятся съ предубѣжденіемъ. Пожелаемъ нашей талантливой артисткѣ и всей труппѣ успѣха. Такія попытки не могутъ остаться безслѣдными въ исторіи искусства. Репертуаръ состоитъ

изъ слѣдующихъ пьесъ: „Чародѣйка“, „Василіса Меленъева“, „Татьяна Рѣпина“, „Родина“ и нѣк. друг. Въ Прагѣ, какъ мы уже сообщали, пріѣзда русскихъ артистовъ ждуть съ трепетнымъ нетерпѣніемъ.

* * *

Намъ прислать П. П. Синельниковымъ слѣдующій отчетъ о спектаклѣ, устроенномъ 18 февраля въ Ростовѣ-на-Дону, въ театрѣ В. И. Асмолова въ пользу Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ. Сборъ 541 р. 65 к. Отъ артистовъ дневной заработокъ: 186 р. 28 к. Пожертвованія отъ частныхъ лицъ: 379 р. 85 к. Итого 1107 р. 78 к.

Отослано въ Петербургъ г. Лепскому (секретарю Рус. Т. Общ.) на убѣжище 1007 р. 78 к.

Вручено мѣстному агенту драматическихъ писателей г. Леве на памятникъ Островскому 100 р.

* * *

Зимній балетный сезонъ закончился 28-го февраля сборнымъ спектаклемъ, состоявшимъ изъ одноактнаго балета „Капризы бабочки“, 3-го акта „Раймонды“ и послѣдняго дѣйствія „Пахиты“. За послѣдніе годы любовь публики къ балету замѣтно растетъ. На процальномъ спектаклѣ артистамъ было поднесено такое множество цѣнныхъ подарковъ, какого не запомнить и „старожилы“ балета. Г-жа Леньяни получила серебряный письменный приборъ, г-жа М. Кшесинская 2-я — двѣ великолѣпныхъ броши, г-жа Преображенская—цѣнное брилліантовое кольцо и шапку съ полунімеріалами, машинистъ г. Бергеръ—серебряный чайный сервизъ, а о цвѣточныхъ подношеніяхъ не стоитъ и говорить—„ни почемъ шли“. Публика сочувственно проводила всѣхъ танцовщицъ труппы, въ томъ числѣ и выступившую въ послѣдній разъ А. Х. Югансонъ, и устроила овацію балетмейстеру М. И. Петниа. Г-дѣ Кшесинской 2-й балетоманы устроили овацію даже на театральномъ подъездѣ, причемъ забросали талантливую балерину цвѣтами. Очень шумно встрѣтили и проводили и г-жу Преображенскую. Говорить, въ этотъ день особенно горячо публика принимала талантливую артистку по случаю 10-лѣтія ея сценической дѣятельности. За послѣднее время г-жа Преображенская дѣлала такіе успѣхи по части техники, что достигла, можно сказать, высшихъ ступеней балетной іерархіи.

* * *

Какъ мы слышали, г. Ватнетины приглашенъ въ Маринскій театръ на гастроль нѣмѣшнимъ постомъ съ платою, по 1,500 р. за спектакль. Любопытно, какъ разверстаются гастроль между нимъ, г. Дельмасомъ и др.?

* * *

Итоги опернаго сезона. Послѣдніе дни „масляницы“ закончились въ италіанской оперѣ бенефисами любимцевъ петербургской публики гг. Ватнетины и Мазини и бенефисомъ директора труппы г. Угетти. Г. Ватнетины далъ „Гамлета“. Опера Тома очень скучна и тяжеловѣсна; что касается г. Ватнетины, то онъ превосходно поетъ и очень плохо играетъ Гамлета. Г. Мазини далъ „Миньону“, гдѣ знаменитому тенору почти нечего пѣть.

Покончивъ съ этими спектаклями, мы бросимъ мимо-летний взглядъ на канувшій въ Лету сезонъ. Италіанцы въ этомъ сезонѣ очень удачно обновили труппу, пригласивъ въ составъ ея soprano г-жу Теградини, тенора Карузо, контральто г-жу Фабри и баса г. Аримонди. Всѣ эти артисты имѣли большой успѣхъ и оправдали надежды дирекціи. Репертуаръ италіанской оперы обогатился двумя русскими произведеніями—„Русланомъ“ и „Русалкой“ и одной италіанской—„Вогема“ Пуччини, имѣвшей только полуюспѣхъ. Интересно было еще возобновленіе „Ченерентолы“ Россини, къ сожалѣнію данной только одинъ разъ.

Русская опера была богата... количествомъ труппы. За этотъ сезонъ первое мѣсто въ труппѣ заняла г-жа Вольска и значительно развилось обаяніе четы Фигнеръ. Группа лишилась даровитаго артиста г. Чернова, покинувашаго ее по болѣзни, и г. Направника, не дирижировавшаго эту зиму также вѣдствіе болѣзни.

Репертуаръ русской оперы, по обыкновенію, былъ мало интересенъ. Новинками явились: „Ферморетъ“ А. Г. Рубинштейна, и „Сказки Гофмана“ Оффенбаха. Возобновлены были: „Корделія“ Н. Ф. Соловьева и „Сигурочка“ Римскаго-Корсакова. Затѣмъ были даны „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Рогнеда“, „Князь Игорь“, „Демонъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Школьная дама“, „Опричникъ“, „Дубровский“, „Аида“, „Травиата“, „Фра-Дьяволо“, „Фаустъ“, „Ромео и Юлія“, „Карменъ“, „Самсонъ и Далила“, „Эскальмонда“ и „Видзворсія кумушки“. Пововведеніемъ въ Маринскомъ театрѣ были еще и утренніе оперныя воскресные спектакли.

Частная опера существовала въ клубахъ и по праздничнымъ днямъ заливляла о своей жизни въ залѣ Кононова. Въ самомъ концѣ сезона это товарищество поставило оперу Н. О. Соловьева „Кузнецъ Вакула“, почти неизвѣстную Петербургу и имѣвшую большой успѣхъ. Въ труппѣ этой выдѣлялись хорошіе артисты г-жа Тамарова и г. Любинъ. Вообще же, спектакли эти носили болѣе дилетантскій и случайный характеръ. А. В.

Намъ пишутъ изъ Казани. 6-го февраля состоялось въ фойе Казанскаго театра первое засѣданіе третейскаго суда по дѣлу г. Агарева съ г. Сарахановымъ. Въ составъ этого суда вошли: председатель — членъ казанской судебной палаты П. И. Малишевскій, судьи: редакторъ казанской газеты „Волжскій Вѣстникъ“ Н. В. Рейнгардтъ, театральнй рецензентъ Н. О. Юшковъ и присяжные повѣренные: И. А. Котеловъ и М. Л. Мандельштамъ.

Въ виду того, что вызовъ нѣкоторыхъ свидѣтелей былъ произведенъ г. Сарахановымъ въ тотъ самый день, когда былъ назначенъ судъ, и г. Агареву ихъ имена стали извѣстны почти что въ моментъ открытія засѣданія, то послѣдній подалъ заявленіе суду о дополненіи дѣла опросомъ другихъ лицъ.

Результатомъ этого заявленія было то, что двое судей, Мандельштамъ и Котеловъ, вышли изъ состава суда.

Послѣ этого вышедшіе изъ состава судьи были замѣнены профессорами университета Годневымъ и Сорокинымъ, а председателемъ этого второго суда былъ единогласно выбранъ Р. О. Николаи—докторъ медицины, состоящій, въ то же время, председателемъ сѣзда мировыхъ судей г. Казани, почти съ самаго введенія въ Казанской губерніи мировыхъ судебныхъ учрежденій.

Этотъ судъ состоялся 20 февраля, уже въ залѣ сѣзда мировыхъ судей г. Казани. Засѣданіе, открывшееся въ 8 час. вечера, продолжалось до 4 часовъ ночи.

Вотъ приговоръ этого суда:

Не признавая рецензій г. Сараханова недобросовѣстными, третейскій судъ находитъ, что рецензій Сараханова невольнo измѣнялись иногда, въ извѣстной степени, подъ влияніемъ его личныхъ отношеній къ г. Агареву, что и дало основаніе послѣднему предъявить настоящее обвиненіе, которое поэтому судъ недобросовѣстнымъ также признать не можетъ, по которому можно признать крайне притязательнымъ, какъ полагаемъ мы.

Объявленіе этого приговора было покрыто „громомъ аплодисментовъ“, ибо приговоръ, по истинѣ, продиктованъ мудростью змѣя.

Затѣмъ, думается, можно поставить точку къ этой распрѣ, хотя мы надѣемся познакомить читателей съ документами ея. Мораль же заключается въ томъ, что не будь г. Сараханова и Агаревъ знакомы, не случилось бы и всей этой трагикомической исторіи.

* * *

Намъ пишутъ изъ Кіева. Въ пятницу, 19 февраля, состоялся бенефисъ Н. Н. Соловцова, этотъ кульминаціонный пунктъ нашего сезона. Для бенефиса г. Соловцовъ поставилъ „Затеряннаго Мудреца“ г. Щеглова, въ которомъ игралъ роль Макушкина. Остальные роли были распределены между г-жей Глѣбовой, гг. Недѣлинымъ, Степановымъ и иными. Пьеса особеннаго успѣха не имѣла, такъ какъ мѣстная публика не привыкла ни къ своеобразному „сатирическому“ жанру почтеннаго автора, ни къ порокамъ „малой прессы“, которые авторъ столь яростно бичуетъ, оставляя себѣ полную свободу дѣйствія относительно „прессы большой“ и, случается, очень скверной.

Г. Соловцовъ былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ привѣтствій. Множество подарковъ, адресовъ и вѣнокъ свидѣтельствуютъ о прочныхъ симпатіяхъ, которыми пользуется нашъ антрепренеръ. Прекрасный подарокъ сдѣлала труппа, собравъ по подпискѣ значительную сумму денегъ и препроводивъ ее въ Русское Театральное Общество для учрежденія при Убѣжищѣ койки имени Н. Н. Соловцова. Прямѣрь, достойный подражанія. И нужно надѣяться, что «изъ легкаго трудового» вырастетъ современемъ большое и прочное зданіе актерской самопощи.

Сезонъ заканчивается въ матеріальномъ отношеніи крайне удачно. На будущій сезонъ въ репертуаръ вклю-

«Кузнецъ Вакула», оп. Соловьева.

(Къ постановкѣ оперы въ залѣ Кононова).

чены всѣ трилогіи Толстого, «Намела» и нѣсколько другихъ пьесъ. Приглашенъ г. Вастуновъ, который исполнитъ въ трилогіи роль Борнса.

Еще небезынтересная новость. Г. Соловцовъ съ ноября будетъ издавать «Кіевскую Газету», въ соиздательствѣ съ нѣкимъ г. Бубликомъ. Цѣна газеты весьма доступная — 6 р. въ годъ.

Новый городской оперный театръ предполагается закончить къ сезону 1900 г. Какъ отдаленный слухъ, передаю, что театръ, въ которомъ играетъ малороссійская труппа, собирается снятъ мѣстное Литературно-артистическое Общество, съ цѣлью положить начало общедоступному драматическому театру. 2.

* * *

Въ бенефисъ г-жи Коммисаржевской шла новая пьеса И. А. Гриневской «Для развѣзда» Это—весьма остроумная и граціозная сценка — почти съ натуры—за кулисами театра. Начинаящій авторъ или авторша переживаетъ неприятныя минуты изъ-за безцеремоннаго обращенія актеровъ къ пьескѣ «На затычку». Единственный недостатокъ пьески г-жи Граневской тотъ, что въ ней мало дѣйствія даже для сценки съ натуры. 1-жа Моравская, изображавшая автора, играла весьма недурно, по недостаточу ярко мимировала, когда сокращала пьесу по указаніямъ актеровъ. А между тѣмъ въ этомъ—вся соль пьески г-жи Гриневской.

* * *

Театръ Неметти снятъ на весь Великій постъ труппою русскихъ опереточныхъ артистовъ, въ которую вошли: г-жи Вяльцева, Смолина, Малюгина, Шеръ; гг. Пальмъ, Рутковскій, Писаревъ, Фатѣевъ и др. Открытіе состоится въ воскресенье, 7 марта, опереткой «Прекрасная Елена» съ г-жей Вяльцовой въ заглавной роли. Въ репертуарѣ значится нѣсколько интересныхъ новинокъ съ участіемъ извѣстныхъ опереточныхъ артистовъ.

* * *

Первымъ спектаклемъ послѣ Великаго поста въ Александринскомъ театрѣ будетъ бенефисъ вторыхъ актеровъ. Пойдетъ извѣстная драма «Ольга Ранцева», съ участіемъ М. Г. Савиной.

* * *

Въ субботу, 3-го апрѣля, въ залѣ Дворянскаго Собранія состоится благотворительный концертъ, программа котораго составлена весьма оригинально. Будутъ исполнены отрывки новыхъ оперъ, у насъ не исполнявшихся.

Въ программу включены отрывки изъ оперы М. М. Ивана «Забава Путятишна», С. Юферова «Антоній и Клеопатра» и Ю. И. Блейхмана «Принцесса Греза». Это смѣлое нововведеніе безъ сомнѣнія, возбудитъ интересъ нашей публики.

Прибавимъ, что къ участію привлечены выдающіяся силы нашей оперы, его оркестръ и хоръ музык.-драм. кружка подъ управленіемъ талантливаго П. И. Полетики, недавно доказавшаго, при постановкѣ оперы Сметаны, какихъ результатовъ можно достигнуть съ любительскими силами. Tritonus.

* * *

Здоровье балетной артистки М. С. Скорсюкъ, какъ намъ сообщаютъ, все въ томъ же тяжеломъ состояннн.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**. Поставленная въ бенефисъ г-жи Никулиной комедія г-жи Дубельтъ «Ложь» прошла съ большимъ успѣхомъ. Автора начали усиленно вызывать послѣ второго акта. Отзывы прессы вполнѣ благоприятны. Только въ «Моск. Вѣд.» почему-то сказано, что публика была настроена противъ пьесы, такъ какъ-де знала о неуспѣхѣ комеднн г-жи Дубельтъ въ Петербургѣ? Откуда почтенная газета почерпнула свѣдѣнн о неуспѣхѣ пьесы въ Петербургѣ? Эта талантливая комедія шла въ Петербургѣ нѣсколько разъ, и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

* * *

Изъ правыхъ театральной провинцнн. Не угодно ли полюбаваться? Въ газетѣ «Днѣпровская Молва», издающейся въ Екатеринославѣ, находимъ слѣдующее письмо въ редакцнн:

На первомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей много говорилось о томъ произволѣ, которому со стороны нѣкоторыхъ антрепренеровъ подвергаются подчасъ беззащитные артисты. Такому же безцеремонному произволу подверглась и я со стороны мѣстнаго антрепренера, В. И. Никулина. Обстоятельства дѣла слѣдующнн. Занимая въ здѣшней труппѣ амплу ingenue dramatique, въ пьесѣ «Два подростка» я получила роль героини, которую и поснѣшила возвратитъ, какъ не соответствующую занимаемому мною амплу и относящуюся къ амплу г-жи Шейной, которая, за моимъ отказомъ, эту роль и играла. 12-го февраля, въ концѣ спектакля «Двухъ подростковъ», приди на ночную репетицнн, я подверглась со стороны г. Никулина, за отказъ отъ этой роли, нѣлому граду ругательства.

Г. Никулинъ призвалъ меня въ контору для объясненнн, и когда я, объясняя причину моего отказа, сказала: «то роль не моего амплу, это должна играть г-жа Шейна» — крикнулъ: «не ваше дѣло разсуждать, кто долженъ, вы — ценнокъ передо мной»; тогда я ушла изъ комнаты, потому что продолжать въ такомъ тонѣ объясненн я не могла. Г. Никулинъ выскочилъ вслѣдъ за мной за кулисы, гдѣ были нѣкоторые изъ труппы (г-жи Айвазовская, Галицкая, Богучарова и гг. Смирновъ, Акимовъ) и посторонннн лица (гг. театральнн докторъ Вильнянскнн, Шипманъ и дежурнн помощн. пристава), крича: «я тебя вѣло вышвырнуть изъ театра», на что я отвѣтила: «я сама уйду, потому что не желаю имѣть дѣло съ такимъ... Со словами: «мерзавка, скотница», г. Никулинъ бросился за мной съ сжатыми кулачками, но его схватилъ за руки г. Смирновъ, говоря «вы съума сошли, — такъ съ жепцинами не обращаются». Послѣ этого я предпочла оставить труппу г. Никулина, который, вмѣсто благодарности за мое честное отношенн къ дѣлу и подчасъ непосильную работу въ теченн пяти мѣсяцевъ — за двѣ недѣли до конца сезона и вопреки контракту, обуславливавшему исполненн мною ролей лишь извѣстнаго характера, осмѣлился наговорить мнѣ, при труппѣ и посторонннхъ лицахъ, дерзости и угрожать удаленнмъ изъ театра только за то, что г-жѣ Шейной не удалось лишннй разъ сбрызъ съ рукъ маловыгрншную роль своего амплу, другой артисткѣ. Обращаясь къ посредничеству Вашей уважаемой газеты, я руко-

Г. Пухальскнн.

водствовала только желаннмъ установить фактъ возмущительнаго отношенн г. Никулина къ артисткѣ, тѣмъ болѣе, что за такой ничтожный промежутокъ времени до конца сезона, я даже лишена возможности прибѣгнуть къ защитѣ суда, чтобы вознаградитъ себя за нравственнн и материальнн потери, сопряженнн съ вынужденнымъ окончаннмъ моей службы ранѣе контрактнаго срока.

Примите и пр.

Анна Кирилловна Четверикова по сценѣ Колосова.

Это тотъ самый г. Никулинъ, который, забывая въпередъ, писалъ о томъ, что «Новый мнръ», «Измаилъ», «Шпонтъ» и т. п. пьесы «освѣжаютъ» провинцнальный театр. Особеннаго освѣженн въ подвигахъ г. Никулина что-то незамѣтно.

* * *

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, Литературно-артистическнн Кружокъ устраиваетъ нынѣшнимъ постомъ нѣсколько вечеровъ въ помѣщенн Малаго театра.

* * *

Михайловскнн театръ. 27 февраля, въ бенефисъ главнаго режиссера французской драматической труппы г. Ланжакъ, была поставлена фарсъ Жоржа Фейдо — «La dame de chez Maxim», послѣднн новннка театра «Nouveautés». Заглавнн пьесы загадочное для иностранца, совершенно ясно для всякаго парижанина, подобно тому какъ для каждаго петербуржца было бы понятно заглавнн «Дама отъ Палкина». Въ Парижѣ пользуется всеобщемо извѣстностью ресторанъ Максима, находящннся на перепутьѣ между Елисейскими полями и главннми бульварами и служащнн мѣстомъ свиданн дамъ, полуднвта и ихъ кавалеровъ, собирающихся сюда ужннать изъ театровъ и кафе-пантановъ. Постоянна посѣтительница этого учрежденн носятъ названн «дамъ отъ Максима». Одна изъ такихъ дамъ, танцовщица изъ «Moulin Rouge» Крветта, героиня новаго произведенн Фейдо. Въ одно прекрасное утро она оказывается въ квартирѣ почтеннаго, семейнаго и уже далеко не молодаго хирурга Петипона, который наканунѣ, послѣ обѣда, даннаго нѣкоторыми докторами въ честь прнѣзжей меднцинской апаментности, какнмъ-то образомъ попалъ въ ресторанъ Максима и тамъ выпилъ, но выпилъ такъ, что даже забылъ, что онъ женатъ и привезъ къ себѣ домой ужннавнну съ нимъ Крветту. Пьеса начинаеться въ полденъ въ квартирѣ Петипона. Онъ только что всталъ и чувствуетъ себя болѣе чѣмъ отвратительно; онъ рѣшительно ничего не помнить и ничего не можетъ сообразитъ. Вдругъ изъ-за полога, которымъ скрыта кровать, раздаеться звннокъ. Испуганный Петипонъ раздвнгаетъ пологъ... На подушкѣхъ покоится хорошенькая головка; изъ-подъ одѣяла выглядываетъ кружевння рубашечка, бѣлая шейка и голыя руки. «Что это значитъ? Кто это?» въ ужасѣ кричитъ Петипонъ: «Этотъ я, а не мой папа» (C'est pas mon père, c'est moi!) отвѣчаетъ Крветта, и затѣмъ, накинувъ на себя что-то, прнвѣтствуетъ свое пробужденн гашемъ во вкусѣ тѣхъ хореографическихъ упражненн, которымъ она каждый вечеръ предается въ «Moulin Rouge».

Вдругъ раздаются шаги госпожи Петипонъ — дамы очень суетливой: ей постоянно снятся внцнн сны и даже являются видѣнн. И точно съ кровати раздаеться голосъ, называющнн по имени: «Габриель, Габриель!» Пологъ раздвнгается; на кровати стоитъ вся въ бѣломъ съ подушкой на головѣ Крветта, ярко освѣщенная электрической лампочкой, спрятанной у нея на груди. Въ полной увѣренности, что она видитъ посланника небесъ, госпожа Петипонъ благоговѣнно опускаеться на колѣнн. Тогда ангель-Крветта приказываетъ ей одѣться и идти на площадь Согласнн; тамъ она встрѣтитъ незнакомаго чловѣка, который скажетъ ей нѣкое слово; отъ этого слова у ней родится сынъ — будущнн король Францнн. Этого вполнѣ достаточно, для того чтобы госпожа Петипонъ, какъ стрѣла вылетѣла изъ комнаты. Далѣе начинаются настояще сапоги въ смятку. Петипона спасаетъ его изобрѣтенн — электрическое «экстазное» креоло; стоитъ только нажать пуговку, находящуюся гдѣ-то сзади, чтобы садннн въ немъ немедленно заснулъ, сохранивъ то выраженн лица, въ которомъ засталъ его сонъ. Петипонъ сажаетъ свою супругу въ это удивительное кресло и тѣмъ на время распутываетъ роковой узелъ, созданный изобрѣтательностью Фейдо. Одна живописная подробность: Крветта, попавъ въ избранное общество и изображая свѣтскую даму, поеть невозможную шансонетку. По окончанн пѣнн мѣстнн аббатъ (дѣло происходитъ въ Турѣ), чловѣкъ испытаннаго благочестнн, комментируетъ слова шансонетки, развясняя скрытый въ ней высоко нравственнн смыслъ. Эти комментарн надѣлали не мало шума въ парижской печати, столько въ нихъ было комизма и неприличнн.

Во время одного изъ представленн водевиля, когда аббатъ комментировалъ шансонетку, раздалось рѣзкое шиканье и свистки. Дирекцнн театра встревожилась и обратилась къ автору съ просьбой измѣннтъ эту сцену, но Фейдо ни за что не со-

Пушкинскій вечеръ въ Артистическомъ кружкѣ.

(Живыя картины).

глашался, сказавъ, что если его хотятъ вынудить къ передѣлкѣ свистками и шиканьемъ, то онъ нарочно не измѣнитъ ни одной буквы. И вдругъ комментаріи исчезли, исчезли какъ-то сами собою. Репортеры тотчасъ же набросились на Фейдо, прося разъясненій. Оказалось, что его покровительница, герцогиня д'Юзесь («d'où vient l'argent?») была на представленіи пьесы, все время отъ души хохотала, но нашла эпизодъ съ комментаріями шансонетки выходящимъ за предѣлы терпимаго. Она написала Фейдо письмо, впоследствии напечатанное въ «Фигаро», гдѣ тономъ доброй бабушки совѣтовала ему измѣнить эту часть произведенія. Фейдо, скрѣпя сердце, принужденъ былъ согласиться и немедленно, передѣлавъ слова аббата, написалъ герцогинѣ письмо, гдѣ сказалъ о томъ, что у него не хватило бы мужества обмануть ея ожиданія.

Сарсэ въ своемъ разборѣ новаго водевиля находить, что этотъ фарсъ переходитъ въ тонкую комедію и что авторъ обладаетъ большимъ сатирическимъ талантомъ. Но можно сказать и такъ, что жалкая комедія, въ угоду сантимамъ и франкамъ, переходитъ въ грубый и нелѣпый фарсъ, и это будетъ вѣрнѣе. Многія выраженія изъ этой пьесы, а особенно любимая поговорка Креветты—«Et allez donc C'est moi, c'est pas mon pége» вошли въ Парижъ въ поговорку.

Роль Креветты исполняла г-жа Феріель. Принимаетъ участіе въ пьесѣ и г-жа Деклоза съ обычными ужимками, гримасами и выкатываніемъ глазъ. Ея дикція крайне утомительна: это какой-то речитативъ съ пѣвучими переходами и ярко выраженной претензіей на смѣхотворность. Въ Парижѣ она пользовалась большою извѣстностью и даже создала школу. «Jouer les Desclosas»—это обычный терминъ. Кромѣ того ее называютъ «Коклэнъ въ юбкѣ», что также свидѣлствуетъ объ ея громкой парижской репутации, и о томъ, сколько въ этихъ репутацияхъ бываетъ подчасъ дутаго. «La dame de chez Maxim» будетъ поставлена четыре раза на второй недѣлѣ поста, какъ наиболѣе пригодный родъ великопостныхъ развлеченій, конечно, и какъ доказательство превосходнаго употребленія средствъ, ассигнуемыхъ на содержаніе французскаго театра.

13 марта состоится бенефисъ г. Вальбеля, усердно отодвигаемаго режиссеромъ на второй планъ. Г. Вальбель ставитъ старую драму Эмиля Ожье «Lions et Benards».

Ю. П. М.—вб.

* * *

Въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка въ концѣ Великаго поста будетъ данъ спеціальнѣй спектакль въ память Пушкина. Будетъ поставленъ «Борисъ Годуновъ», причемъ изъ 24-хъ картинъ этого произведенія только двѣ не попадутъ на сцену, остальные же пойдутъ въ томъ видѣ, въ какомъ написаны Пушкинымъ, допущено будетъ лишь соединеніе нѣкоторыхъ картинъ. Сборъ съ этого спектакля предполагается употребить на постановку памятникъ поэту. Бориса, вѣроятно, будетъ играть г. Далматовъ, а Самозванца—г. Тинскій.

* * *

Въ виду разнорѣчивыхъ сообщеній и слуховъ о болѣзни М. Ф. Рюмина, мы считаемъ нелишнимъ сообщить, что здоровье симпатичнаго артиста значительно поправилось. На будущій годъ г. Рюминъ служить снова въ товариществѣ Бородея, но режиссерство сложилъ съ себя окончательно. Весну М. Ф. Рюминъ проведетъ въ Крыму, по предписанію врачей.

* * *

Осенью въ Прагѣ, по сообщенію «Нов. Врем.», состоятъ гастроли г-жи Горева. Какъ извѣстно, до Праги г-жа Горева гастролпровала въ Берлинѣ, а недавно въ Мариуполѣ. Гастроли, по словамъ газеты, отложены до осени, причемъ г-жа Горева будетъ играть съ чешской труппой.

* * *

Въ воскресенье, 7-го марта, въ Александринскомъ театрѣ начинаются спектакли нѣмецкой труппы подъ управленіемъ г. Бока. Для перваго спектакля идетъ пьеса «Ein Kind des Glücks» съ ingénue г-жей Розой Ретти (изъ Вѣны) и г. Христианомъ (изъ Королевскаго театра въ Берлинѣ) въ главныхъ роляхъ. Въ пьесѣ участвуютъ г. Клейнъ и др.

1840

(Продолженіе *).

Первой пьесой шелъ новый водевиль Ленскаго „Графъ-литографъ, или честолюбивая штопальщица“.

Публика продолжала собираться и, не смотря на принятія предосторожности, пьеска прошла подъ шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, шорохъ тяжелыхъ женскихъ платьевъ и легкое позвякиваніе шпоръ и палашей.

На сценѣ между тѣмъ разыгрывалась веселая водевильная путаница, въ которой принималъ участіе добродѣтельныя гризетки и великодушные ремесленники и которая разрѣшилась по обыкновенію

*) См. № 9.

однимъ ударомъ Дамоклова меча: 40,000 франковъ внезапнаго приданаго — и веселымъ пиркомъ да за свадебку. Какъ и во всѣхъ водевиляхъ Ленскаго, куплеты играли здѣсь главную роль и пѣвшіе ихъ актеры молодой Мартыновъ и недавняя любимица вѣтреной петербургской публики Самойлова 2 я были „аплодированы“ веѣмъ театромъ и вызваны по окончаніи водевиля.

Антрактъ былъ не менѣе оживленъ. Готовились оваціи Асенковой и Полевою, который былъ тогда моднымъ авторомъ и находился въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія. И другъ, и недругъ, равно волновались теперь за новое произведеніе его, надѣлавшее такого шума еще задолго до перваго представленія. Въ городѣ ходили самыя противорѣчивыя слухи о „Парашѣ“ и не было дома, гдѣ-бы не передавалась новая вариация на тему о ея свободомыслии. Неожиданное рѣшеніе Государя повергло всѣхъ въ недоумѣніе: одни радовались этому новому доказательству Монаршаго расположенія къ молодой литературѣ, другіе, считавшіе себя болѣе осторожными, усматривали предостереженіе для пылкихъ умовъ и испорченныхъ нравовъ. Можно представить, какія чувства волновали зрителей передъ подытіемъ завѣса и въ какомъ напряженіи находилось вниманіе всей толпы въ ея нестромѣ, смѣшанномъ составѣ.

Межѣ другихъ волновались театралы, явившіеся сюда, чтобы отдать дань заслугамъ Полевого и главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы привѣтствовать прекраснаго таланта Асенковой, достигнуей тогда своего зенита.

„Блестящій метеоръ“, какъ звали Асенкову современники, она блистала тогда наиболѣе ярко и спокойно, плѣняя всѣхъ своей граціей, красотой и талантомъ. Въ глазахъ у тогдашнихъ зрителей еще мелькали тонкія Тальони, въ которыхъ заѣзжая „дѣва“ порхала надъ русской сценой. Требованиямъ легкости и граціи предъявлялись тогда всякой актрисѣ, которая смѣла рассчитывать хотя на малый успѣхъ, и Асенкова могла въ этомъ отношеніи удовлетворить самому взыскательному вкусу. Она выработала себѣ даже особенную походку, легкую, воздушную, которая всегда отличала ее отъ товарокъ, вродѣ Дюровой, манеры которой своей принужденностью напоминали балетныя пріемы. У Асенковой было все просто, легко и граціозно, начиная съ внѣшности и кончая удивительно гибкимъ дарованіемъ, напоминавшимъ скрипку серафима. Такія лица „небожителей“ были тогда въ модѣ. Чистота и правильность линий предпочиталась мелочной замысловатости, все равно, какъ чистая вода — прянымъ напиткамъ. Асенкова обладала веѣми совершенствами нѣжной, мечтательной красоты и въ моменты грусти напоминала задумчиваго ангела. Но когда этотъ ангелъ шалилъ, никто не могъ противустоять его заражительной веселости. Водевиль былъ спеціальною Асенковой, въ которой она не имѣла себѣ соперницъ. Унаслѣдовавъ свой легкій водевильный жанръ отъ матери, она, однако, искала самостоятельнаго пути и съ этой цѣлью взялась за драматическія роли молодыхъ героинь, вакансіи которыхъ съ давнихъ поръ оставалась незанятою. „Параша“ не была ея первой ролью въ этомъ родѣ. Нѣсколько не менѣе драматическихъ или, какъ говорили тогда, „чувствительныхъ“ ролей предшествовали созданію Полевого и укрѣпили за Асенковой званіе лучшей драматической артистки. Полевой, знавшій только до мельчайшихъ подробностей талантъ ея, написалъ эту роль, подходившую ко веѣмъ сторонамъ ея дарованія.

Но вотъ наконецъ насталъ желанный часъ. Завѣсъ взвился... Дикій сѣверный лѣсъ съ черными оголенными деревьями, сугробы снѣга и

робкіе уморительные тулгузы, населявшіе эти заповѣдныя дебри сибирскихъ лѣсовъ — все это было ново и оригинально, хотя немного и отзывало балетомъ.

Появился Каратыгинъ въ роли неизвѣстнаго, затѣмъ Сосницкій — странникъ.

Вдругъ изъ боковыхъ ложъ раздались аплодисменты, подхваченные правой стороной кресель, и затѣмъ всѣ остальные зрители присоединились къ нимъ по мѣрѣ того, какъ фигура бенефициантки показывалась изъ-за кулисъ.

Асенкова тихо шла, напѣвая какую-то пѣсенку и мѣрно покачивая ведрами, которыя несла на коромыслѣ. Въ тулупчикѣ, ловко охватывавшемъ ея талію, въ теплому платкѣ, изъ-подъ котораго уныло глядѣли ея глазки, она, быть можетъ, была слишкомъ нарядной для бѣдной обывательницы глухого сибирскаго поселка и напоминала скорѣе Снѣгурочку, которую полюбилъ Морозъ. Оваціямъ не было конца, и онѣ продолжались до тѣхъ поръ, пока не опустился завѣсъ.

Вторая картина, изображавшая бѣдную лачугу неизвѣстнаго сельскаго, гдѣ онъ ютился съ женой и дочерью, своей убогой обстановкой предупредила всѣхъ, что сейчасъ начнется драма. Каратыгинъ съ такой поразительной силой сарказма и тоски произнесъ знаменитое: „Утѣшать! молиться!“ что заставило содрогнуться весь залъ. Слѣдующая затѣмъ сцена со странникомъ подѣйствовала на публику прямо ошеломляюще... Эти два другъ, два офицера, пришедшіе въ Сибирь разными путями и встрѣтившіеся здѣсь черезъ много лѣтъ въ одинаково трудномъ положеніи — что это такое: намокъ? народія?.. Странное волненіе охватило всѣхъ зрителей. Сцена съ ея намазанными холстами и накрашенными людьми, двигающимися по ней, словно пропала и исчезла, и вмѣсто нея передъ веѣми вилло темное устье сибирскихъ рудниковъ, откуда вѣяло холодомъ и мученіями. Дикабрьскія смуты были памяты еще веѣмъ и у всѣхъ при этомъ воспоминаніи болѣзненно сжалось сердце. Братья, отцы, мужья, сыновья, женихи или просто товарищи, всѣ они, эти далекія, милыя сердцу существа, пришли теперь на умъ и по всему театру замелькали платки.

А Каратыгинъ словно угадалъ это нравственное состояніе публики и глухимъ подавленнымъ голосомъ, выходящимъ откуда-то словно изъ-подземелья, медленно растягивая слова, говорилъ: „Молодъ, бѣшенъ страстями, полонъ надеждами разстался я съ тобой, всѣ роды обольщеній, всѣ роды счастья встрѣтили меня въ Петербургѣ и на родинѣ — богатство, чины, добрая мать, дружба, любовь... она увлекла меня, для нея я забылъ все и повелъ къ алтарю мою подругу, отказался отъ службы, уѣхалъ въ мое богатое помѣстье... но кровь моя кипѣла страстями“...

Каратыгинъ томилъ этими словами какъ заукокойной экзетіей и когда далѣе онъ повелъ рассказъ о тѣхъ порокахъ и увлеченіяхъ, которые привели несчастнаго въ Сибирь, всѣ готовы были слышать въ этихъ словахъ истинную суть дѣла. Кое-гдѣ въ публикѣ послышались всхлипыванія и сдержанныя рыданія. Плакали всѣ: и мужчины, и женщины. Казалось, вся публика готова была застонать съ Каратыгинымъ, который метался по сценѣ, какъ левъ, лишенный свободы. Казалось, еще одно слово и весь театръ наполнится слезами. Атмосфера была, какъ передъ грозой и всѣ ждали перваго удара грома. Вдругъ Асенкова, которая до того была спрятана за перегородкой, выбѣжала на авансцену, безумно блуждая глазами и ломая въ отчаяніи руки. Она все слышала, она все знаетъ... Извѣстный монологъ, начинающійся словами „Боже великій, что я узнала, что я услышала“ — она провела, обливаясь непритворными сле-

В. Н. Асенкова.

зами и когда, наконецъ, упавъ на колѣни она воскликнула: „Государь, прости отца моего!“ вся публика заплакала съ нею, какъ одинъ человекъ...

Это былъ наивысшій подъемъ драмы... Рукоплесканія потрясли зрительный залъ. Слѣдующія за тѣмъ сцены прощанія Параша съ родителями и ухода изъ дому, которыя почему-то велись подъ музыку, почти не слушались и не замѣчались сквозь стоявшія въ глазахъ слезы. Въ антрактѣ всѣ вздохнули посвободнѣе, но всѣ почувствовали какое-то нравственное и физическое разслабленіе, словно послѣ долгой ходьбы или сильнаго моральнаго потрясенія. Наступилъ второй актъ.

Москва... Кремль... Народъ... Ждутъ Государя... Параша тутъ-же и пытается пробиться сквозь толпу, осаждающую Красное Крыльцо. Въ рукахъ у нея просьба, которую она готовится подать Государю. Привѣтственные клики мѣшаютъ разобрать, что происходитъ тамъ, гдѣ проходитъ Государь и гдѣ шапки летятъ, звуки и надсаживаются глотки. Толпа на рукахъ выноситъ безчувственную Парашу и всѣ наперерывъ стараются повѣдать ей о Монаршей милости и славятъ имя Государя... Весь зрительный залъ сталъ на ноги, и смотря на Императорскую ложу, кричалъ „браво“, тогда какъ всѣмъ хотѣлось кричать „ура“. Слезы не могли выразить того наплыва чувствъ, который охватилъ каждого при сценѣ свиданія отца съ дочерью, принесшей ему помилованіе. Только страшный, потрясающій вопль Каратыгина, на который Асенкова откликнулась долгимъ, протяжнымъ стономъ, разрѣшилъ напряженное состояніе зрителей, и снова потокъ слезъ умиленія, словно благодатный дождь, прошелъ надъ театромъ и очистилъ грозовую атмосферу.

Начались новыя оваціи. Полевого вызывали трижды и онъ выходилъ раскланиваясь блѣдный, взволнованный, нервно пожимая руки артистовъ. И Асенкова плакала, и все, что было народу въ театрѣ, все это казалось объединеннымъ теперь какой-то безотчетной радостью и сознаниемъ своего единства.

Юрій Бѣляевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Театральныя замѣтки.

Сезонъ Александринскаго театра закончился. Въ сто сухихъ цифръ и итоговъ, поговоримъ о живомъ вопросѣ, волновавшемъ души театраловъ въ теченіи истекшаго сезона—о состязаніи г-жи Коммисаржевской съ г-жей Савиной. Я немножко смѣло и, быть можетъ, грубо ставлю вопросъ. Но мнѣ кажется, слѣдуетъ выражаться именно такъ, какъ думаешь, безъ обиняковъ. Этакъ скорѣе можно до чего нибудь договориться.

Да, это состязаніе. И совсѣмъ не въ томъ смыслѣ состязаніе, въ какомъ говорятъ о благородномъ соревнованіи талантовъ, а именно состязаніе о первенствѣ въ репертуарѣ и во мнѣніи публики.

Я очень много думалъ объ этомъ любопытномъ состязаніи, ибо дѣйствительно въ немъ не мало, на первый взглядъ, неожиданнаго и несообразнаго. Во-первыхъ, размѣры дарованій. Г-жѣ Коммисаржевской, что бы ни писали ея восторженные поклонники, путаясь въ квалификаціяхъ и противорѣчивыхъ характеристикахъ (чему краснорѣчивымъ примѣромъ является опытъ нашего талантливаго сотрудника Ю. Д. Бѣляева),—г-жѣ Коммисаржевской, говорю я, по глубинѣ дарованія, безъ всякаго сомнѣнія, очень далеко до М. Г. Савиной. Во-вторыхъ, объемъ дарованія—столь гибкаго у М. Г. Савиной и столь однообразнаго у В. Ф. Коммисаржевской. Въ третьихъ, разница лѣтъ, положенія, заслугъ. Слава и репутація М. Г. Савиной созидались годами, десятилѣтіями. Г-жа Коммисаржевская появилась внезапно, и какъ выражается Липочка у Островскаго, „блеснула очаровательно“.

Наконецъ, самое понятіе первенства. Развѣ это не крупное недоразумѣніе? Первенство допускаетъ безконечное множество степеней и того понятія „первенства“, которое существуетъ въ обиходѣ актрисъ, театр не знаетъ относительно актеровъ. И г. Сазионовъ, и г. Давыдовъ, и г. Варламовъ, и г. Горевъ, и г. Дальскій, и г. Аполлонскій и многіе другіе —

Ст. Лещинскій въ роли Петруччіо.
(Къ гастролямъ въ Петербургѣ).

всѣ они талантливые люди, но всѣ они несомнѣнны, ибо каждый хорошъ въ своемъ родѣ. Сказать, что г. Варламовъ оспариваетъ первенство у г. Горева или наоборотъ—значитъ ровно ничего не сказать, или сказать, что отдаешь предпочтеніе земляникѣ предъ икрой. Но относительно актрисъ это—фактъ несомнѣнный, и быть можетъ, именно въ немъ заключается причина крайней рутинности, а часто и упадка театра.

Я такъ глубоко чту прекрасный талантъ М. Г. Савиной и считаю ее такой несравненной и единственной художницей русской сцены, что надѣюсь, никто не упрекнетъ меня въ пристрастномъ освѣщеніи фактовъ. Но несомнѣнно, что М. Г. Савиной приходится, до известной степени, пожинать плоды ненормального сценическаго строя, призрачными выгодами котораго она пользовалась болѣе, чѣмъ кто нибудь другой. Я говорю „призрачныя выгоды“, потому что только теперь, уже въ періодъ оспариваемаго первенства, артистка нашла и свое настоящее амплу—драматической актрисы, и цѣлый рядъ дѣйствительно прелестныхъ художественныхъ созданій.

Противъ первенства г-жи Савиной на сценѣ Александринскаго театра въ теченіи многихъ лѣтъ, какъ первенства таланта, разумѣется, ничего нельзя возразить. Но можно многое сказать противъ, такъ сказать, физическаго первенства, сосредоточиваемаго въ одномъ лицѣ весь репертуаръ, всѣ силы русскаго театра. Это первенство создало односторонній репертуаръ, эпоху г. Крылова, отодвинуло на задній планъ классическій репертуаръ и народило множество подражательницъ г-жи Савиной, которыя, какъ всегда бываетъ, усвоили большіе физическіе недостатки артистки, нежели чѣмъ нибудь заимствовали отъ этой, необычайно яркой и глубокой, художественной натуры.

Въ Москвѣ параллельно шла эпоха г-жи Ермоловой. Это была другая крайность. Полное отсутствіе комедій, декламация, историческая драма и мелодрама. Репертуаръ создавался для двухъ актрисъ. Авторы имѣли въ виду два женскихъ образа; безконечный вариантъ одного и того же женскаго типа повторялся во всѣхъ произведеніяхъ, и артистки не работали, а повторялись. Къ нимъ прислушивалась вся театральная Россія, которая также не работала, а только повторялась.

И вотъ причина непонятнаго успѣха г-жи Коммисаржевской, который нисколько не соответствуетъ ни глубинѣ ея дарованія, ни плодотворности ея работы. Появленіе г-жи Коммисаржевской было все-таки чѣмъ-то новымъ, и потому только, что оно было новымъ, оно показалось столь значительнымъ и интереснымъ. Освоившись съ успѣхомъ, г-жа Коммисаржевская немедленно начинаетъ заявлять претензіи на первенство, авторы пишутъ для нея пьесы, репертуаръ получаетъ искалѣченное направленіе, сцена превращается въ какой-то „дѣтскій садъ“. Когда я оглядываюсь на послѣдніе сезоны, мнѣ иногда кажется, что взрослые люди потеряли всякій вкусъ къ жизни и всякую охоту вступать въ борьбу съ ея обстоятельствами и условиями.

И это все, что можно сказать въ объясненіе успѣха г-жи Коммисаржевской? Нѣтъ, не все. Есть еще одно обстоятельство—это крайняя доступность ея игры для массы. Искусства, т. е. совершенства техники, способности освѣщать произведеніе автора лучами своего художественнаго идеала—у г-жи Коммисаржевской очень мало. Но зато она ясна. То немногое, что въ ней заключается, не требуетъ никакихъ комментариевъ. Въ ней, кромѣ того, много элементовъ того „жалнія“, которое очень мѣтко подглядѣлъ новый журналъ „марксистовъ“ „Начало“ въ манерѣ

художниковъ-народниковъ. Въ г-жѣ Коммисаржевской есть что-то, я сказалъ бы, демократическое, полуплебейское, какое-то далекое, но тѣмъ не менѣе совершенно очевидное родство съ фельдшерницей, гимназисткой, куренсткой, со всѣми бытовыми разновидностями учащейся молодежи. Въ ней больше „добра“, нежели „искусства“, больше „жалости“, нежели „красоты“. Это—артистка утилитарнаго искусства, которую очень любилъ бы Писаревъ, и которую, по совершенному недоразумѣнію, связаннымъ съ философскимъ несвареніемъ мысли, любить г. Волынский, съ его будто бы идеалистическимъ воззрѣніемъ на искусство. Г-жа Коммисаржевская должна много говорить сердцамъ тѣхъ, кто считаетъ красивыя манеры, красивую фигуру, красивое платье—признаками, враждебными „прогрессу“. И отъ того, что она угловата, больна, надломлена, она вызываетъ „жалнія“ и потому любовь.

Чего бы я желалъ? Я бы желалъ, чтобы г-жа Коммисаржевская, не увлекаясь овациями слушательницъ фельдшерскихъ курсовъ, поменьше думала о первенствѣ, играла то, что ей слѣдуетъ, преимущественно нѣмецкихъ и вообще, иностранныхъ дѣвочекъ, поправила свое здоровье, что немедленно отразится на ея игрѣ, и вносила больше разнообразія въ освѣщеніе изображаемыхъ ею лицъ. Я бы еще, желалъ, чтобы г-жа Савина играла всегда съ тѣмъ высокимъ совершенствомъ и тою удивительною художественною законченностью, какія она обнаруживала въ нынѣшнемъ году. Наконецъ, я бы желалъ, чтобы рядомъ была еще артистка съ дарованіемъ, и еще, и чтобы всѣ играли свои роли, и всѣ, въ соревнованіи, подготавли другъ друга, стараясь на новыхъ созданіяхъ авторовъ развивать свою артистическую индивидуальность...

А. К.—ель.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Послѣ поставленной на сценѣ одного изъ вѣнскихъ театровъ новой комедіи «Unser Kätchen», принадлежащей перу фельетониста С. Герцеля, Германъ Баръ, известный критикъ и драматургъ, возбудилъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ положительномъ смыслѣ зависитъ радикальная реформа въ литературной жизни. Дѣло въ слѣдующемъ. С. Герцель очень талантливый фельетонистъ, но заурядный драматургъ, что онъ доказалъ своими двумя сценическими произведеніями, а въ особенности послѣднимъ, упомянутымъ выше,—«Unser Kätchen». Въ этомъ произведеніи Герцель пытается раскрытывать современный социальный строй, главнымъ образомъ, ненормальное положеніе современной семейной жизни. Принадлежа по своему общественному положенію къ партіи, съ далеко не радикальными воззрѣніями, Герцелю какъ-то неловко было высказать въ своей комедіи ясный радикальный взглядъ, безъ котораго произведеніе абсолютно теряетъ какой-либо интересъ. Сознавая такое положеніе, Герцель умудрился въ своей пьесѣ высказать такія убѣжденія, которыя, будучи названы истиннымъ именемъ, относятся къ разряду мѣткихъ, характерно называемыхъ «и нашимъ и вашимъ». Поглядивъ по головкѣ—«буржуевъ», Герцель въ то же время пѣлется съ радикалами-социалистами. Вотъ какое впечатлѣніе выноситъ зритель, уходя съ представленія комедіи «Unser Kätchen». Естественно, что при такихъ условіяхъ, комедія эта, хотя и блещетъ остроуміемъ, все-таки не была спасена отъ провала. Тѣмъ не менѣе автора вызывали и ему была даже устроена овация.

Объясняется это тѣмъ, что Герцель, какъ организаторъ клуба «Сіонъ» и талантливый фельетонистъ, пользуется въ Вѣнѣ большими симпатіями. Такимъ образомъ истинныя достоинства театральнаго произведенія отступили при этихъ обстоятельствахъ на задній планъ. Поэтому Германъ Баръ

предложилъ высказаться всѣмъ драматургамъ Австріи по слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1) не согласятся ли авторы новыхъ произведеній не называть своего имени до тѣхъ поръ, пока это произведение пройдетъ на сценѣ дважды; 2) не согласятся ли авторы *никогда* не выходить на сцену по требованію публики.

Полученные до сихъ поръ Баромъ отвѣты даютъ право думать, что его предложеніе будетъ принято и, значить, публикѣ предоставится возможность болѣе правильно судить о достоинствахъ того или другого произведенія, не стѣняясь его принадлежностью хотя бы и очень популярному автору.

24 февраля Патти въ первый разъ послѣ своего выхода замужъ за барона Седерштрема выступила въ Римѣ на публичномъ благотворительномъ концертѣ *Academia di Santa Cecilia*, на которомъ присутствовала королева. Пѣвица имѣла такой большой успѣхъ, что должна была повторить всѣ свои номера.

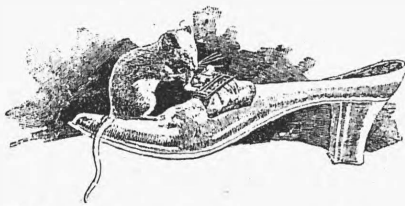
Римскіе импресарио стараются уговорить Патти выступить въ театрѣ, но до сихъ поръ безуспѣшно. Знаменитая пѣвица ведетъ въ Римѣ очень замкнутый образъ жизни, довольствуясь обществомъ своего супруга, своей собачки и своей куклы. Послѣднюю зовутъ Энришетта, и Аделина Патти, которой судьба отказала въ дѣтяхъ, постоянно возитъ ее съ собой. Куклу эту ей подарили, когда она въ первый разъ выступала въ Нью-Йоркѣ. Аделинѣ Патти было тогда 7 лѣтъ, а теперь ей 56 лѣтъ; слѣдовательно, кукла также достаточно почтеннаго возраста.

Любопытный отрывокъ старины. Въ началѣ нашего столѣтія духовенство относилось къ актерамъ до такой степени враждебно, что нерѣдко не допускало ихъ даже до причастія. Во Франціи, напримѣръ, въ церквахъ не допускалось вѣнчаніе актеровъ; поэтому, намѣреваясь вступить въ бракъ, послѣдніе временно оставляли свое ремесло и снова принимались за него послѣ свадьбы.

Переворотъ въ этомъ дѣлѣ былъ произведенъ, наконецъ, великимъ трагикомъ Тальма. Гордясь своимъ званіемъ актера, онъ пожелалъ, чтобы его въ качествѣ артиста обвѣнчали въ церкви съ его невѣстой, также актрисой. Парижскій архіепископъ, къ которому онъ обратился, отказалъ ему въ этой просьбѣ. Тогда Тальма обратился къ народному собранію съ требованіемъ церковнаго вѣнчанія для себя и актрисы Жюли Карно. Народное собраніе передало дѣло *Comités de constitution et ecclesiastique réunis*, но тѣ объявили, что духовенство получило на Арлскомъ соборѣ право отказывать актерамъ въ церковномъ вѣнчаніи, и что право это приходится признать законнымъ.

Только революція измѣнила взглядъ духовенства и 19-го апрѣля 1791 года вѣнчаніе Тальма состоялось въ церкви *Notre Dame de Lorette*.

Въ театрѣ «*Ambigu*» успѣхомъ пользуется пьеса Декурселя и Мезероа «*Papa la vertu*», въ которой блистаетъ разнообразными костюмами и красотой г-жа Лендеръ, играющая ширкистку. Это — мелодрама, съ довольно дешевымъ содержаніемъ, но такъ какъ дѣйствіе происходитъ на половину въ казармахъ, на половину—въ циркѣ, то пьеса дѣлаетъ сборы.

Золотая муха.

(Разсказъ).

(Продолженіе *).

VI.

Настасья Петровна въ первый разъ почувствовала опасность своего положенія недѣли черезъ двѣ послѣ дебюта въ „Эльдорадо“.

Это случилось ночью. Она засыпала въ креслѣ, когда почувствовала, что умираетъ... Съ величайшимъ трудомъ она открыла глаза, хотѣла подняться,

но ее приковывало къ постели мертвое безсиліе. Ее охватилъ страхъ—безпредметный, неопредѣленный страхъ, отъ котораго, кажется, застыла вся кровь.

— Неужели смерть? Неужели конецъ всему? пронеслось у нея въ головѣ съ быстротой молніи.— Господи, но, вѣдь, я еще такая молодая... Ее охватила лихорадка. Зубы стучали. Руки были холодны, какъ ледъ, а тамъ въ груди, что-то тѣснило и мѣшало дышать.

Это состояніе продолжалось нѣсколько минутъ, безконечныхъ мучительныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ она успѣла пережить снова всю свою жизнь, и снова пришла еще въ болѣе ужасъ: смерть, конечно, страшна, но это прошлое было еще страшнѣе. Она вся дрожала, охваченная этимъ сознаніемъ. Вѣдь, умирающій человекъ надѣется до послѣдняго момента, а тутъ даже и этого не было. Прошлое пронеслось грозною тѣнью, и Настасья Петровна даже закрыла глаза отъ ужаса. Ей только сейчасъ это прошлое представило въ настоящемъ освѣщеніи. Раньше она какъ-то старалась не думать о немъ, или вспоминала урывками, отдѣльными эпизодами, а теперь оно встало предъ ней въ полномъ объемѣ.

Нѣчто подобное бываетъ, когда въ темную ночь блеснетъ ослѣпительно-яркая молнія и на мгновеніе выхватитъ изъ окружающей мглы съ поразительною рельефностью цѣлую громадную картину — на одно мгновеніе выступаютъ мельчайшіе подробности всего, что при дневномъ освѣщеніи даже не замѣчалось. Именно такой эффектъ произвело на Настасью Петровну первое предчувствіе неизбежной смерти... Да, она увидѣла все, увидѣла то, что, кажется, было забыто и похоронено, и что знала только она одна. О, если бы можно было забыть...

— Какая я гадкая... грязная... проклятая... шептала поблѣвшія отъ страха губы.—Я всѣхъ хуже... Даже и молитвы не смѣю, потому что каждое мое слово, каждая мысль осквернены, покрыты грязью и позоромъ. Я вся—одна позоръ!..

Конечно, Богъ прощаетъ и великихъ грѣшниковъ, но вѣдь есть границы и Его милосердію. Наконецъ, нужно искупить свой грѣхъ покаяніемъ и подвигомъ, а она не смѣетъ прошептать молитвы... Она не могла даже плакать, подавленная и уничтоженная собственнымъ сознаніемъ. Отчего она не умерла, когда была чистой невинной дѣвушкой? Ее схоронили бы въ бѣломъ платьѣ, какъ невѣсту, и она лежала бы въ могилѣ такая чистая, спокойная и счастливая своей невинностью. А теперь вотъ сейчасъ, со всѣхъ сторонъ обступали тяжелые призраки, слышался чей-то презрительный хохотъ, а она ненавидѣла себя, какъ могла бы ненавидѣть только ядовитую гадину. Она ненавидѣла себя всю — каждый взглядъ, каждую улыбку, каждую мысль, каждое движеніе, потому что все это было загрязнено и опозорено. Мало того, она распространяла кругомъ себя настоящую заразу и отравляла дыханіемъ даже воздухъ.

— Я схожу съума... мелькнуло у нея въ головѣ.— О нѣтъ, все это было... Я—проклятая... и нѣтъ мнѣ прощенія, нѣтъ молитвы, нѣтъ успокоенія.

Потомъ въ ней со страшной силой наступила реакція.

— Нѣтъ, я не хочу умирать! шептала она.— Не хочу! Не хочу!.. Я еще такъ молода... Еще хоть пять лѣтъ... даже одинъ годъ... О, я буду совсѣмъ другая... Да... только бы жить... да... еще немного...

Смерть—вѣдь это не видѣть солнца, не видѣть зеленой травы, не слышать ни одного звука и ничего, ничего не чувствовать и это тогда, когда всѣ другіе будутъ наслаждаться жизнью, радоваться и плакать, видѣть другъ друга и чувствовать, что они суще-

*) См. №№ 5, 6, 7, 8 и 9.

ствуютъ. Вотъ именно это ей никогда не приходило въ голову и жизнь не имѣла для нея никакой цѣны.

Она, придерживаясь за стѣну, едва добралась до окна и распахнула его. Ей было душно и въ то же время лихорадка заставляла выбивать дробь послѣдняго похороннаго марша.

Она присѣла къ окну. Тонція акаціи заслоняли видъ на рѣку, озаренную переливавшимся и дрожащимъ луннымъ свѣтомъ. Ночь была лѣтняя, и вѣроятно, очень теплая. Именно въ такія ночи и хочется жить особенно... Что это такое?

По рѣкѣ пѣвучимъ вѣдохомъ пронесся музыкальный аккордъ и точно растаялъ въ сонномъ воздухѣ.

Да, это въ „Пале-де-Кристалъ“ играетъ оркестръ.

Представленіе кончилось, и публика гуляетъ въ саду. Еще аккордъ, еще и еще... Глухо рокочетъ барабанъ, точно подъ землей стонутъ мѣдныя трубы, навистываютъ флейты... Господи, какъ все это близко и, вмѣстѣ, какъ все это далеко, тамъ, въ прошломъ. Давно ли она, Настасья Петровна, гуляла вмѣстѣ съ другими, такая беззаботная и веселая, а теперь чужое веселье отзывалось въ ея душѣ похоронными звуками. По лицу ея катились крупныя слезы, но она ихъ не чувствовала, охваченная ужасомъ неизбѣжной смерти — вѣдь она здѣсь, близко, совѣмъ близко. О, еслибы она могла хотя бы выйти изъ комнаты, но нѣтъ...

А музыка продолжала играть. Рѣка точно подхватывала звуки и пронесла ихъ, поднимая въ душѣ цѣлые рои тяжелыхъ грезъ. Вотъ залитая свѣтомъ эстрада... вотъ дрогнувъ пьяный безнабашный мотивъ... вотъ она выпархиваетъ на сцену почти голая, опьяненная собственной красотой, счастливая своимъ позоромъ... И чѣмъ она неприличнѣе, тѣмъ сильнѣе восторгъ публики. Тысячи жаждущихъ глазъ смотрятъ на нее... возбужденныя лица, плотоядныя улыбки... Вызовы, повторенія на bis, новые восторги, и все заканчивается оргіей гдѣ нибудь въ отдѣльномъ кабинетѣ или привилегированномъ кабакѣ. Льетса шампанское, швыряются тысячи... Ахъ, какія отвратительныя пьяныя лица, какія дикія слова—ни стыда, ни совѣсти, ни уваженія. И она превосходитъ всѣхъ, и это дѣлаетъ ее лакомой приманкой,

— Неужели все это было? съ тоской спрашиваетъ она.— Неужели это была я?... И никто, ни одинъ человѣкъ не удержалъ меня, не сказалъ, что это дурно, что я гадка... ни одинъ!..

Итакъ, шель одинъ день за другимъ въ какомъ-то чаду, въ дикомъ похмѣльи. Домой она возвращалась утромъ, цѣлый день спала и вставала только вечеромъ, чтобы повторить вчерашнее безобразіе. Рѣдкіе моменты сознанія, что все это не хорошо, тонули въ порокъ сплошнаго безобразія. Вѣдь ее такъ всѣ любили, льстили ей, ухаживали, потворствовали каждой прихоти, предупреждали малѣйшее желаніе, такъ что она скоро потеряла всякую цѣну и деньгамъ, и людямъ, и самой себѣ. Это была бурная волна, уносившая ее въ открытое безбрежное море, и она была счастлива собственнымъ позоромъ, потому что ей завидовали даже честныя женщины.

Любила ли она кого нибудь? Ахъ, ихъ было такъ много... Вотъ блочурый офицеръ съ тонкимъ аристократическимъ профилемъ и сонными сѣрыми глазами. Онъ таскалъ свою громкую историческую фамилію по кабакамъ и на наслѣдственные деньги покупалъ продажныя ласки продажныхъ женщинъ. Она въ его репертуарѣ явилась однимъ изъ послѣднихъ номеровъ и довершила разореніе. Съ какимъ наслажденіемъ она каталась въ коляскѣ съ фамильными гербами, обѣдала за столомъ, сервированнымъ фамильнымъ серебромъ,—это была ядовитая муха, которая въ сумерки жалила разлагавшееся тѣло. Онъ

кончилъ плохо, тамъ, гдѣ-то въ Монако... А этотъ черноволосый смуглый дѣлецъ, обокрашившій два банка и сосланный въ Сибирь? Онъ былъ такой остроумный и веселый... А этотъ вялый и рыхлый московскій русоволосый купчикъ? Онъ подарилъ ей домъ, всю обстановку, и самъ кончилъ сумасшествіемъ. Да много ихъ было и еще больше осталось. Гдѣ они теперь?

„Гдѣ же они, въ какой новой богинѣ
Ищутъ теперь идеаловъ своихъ?“

Вѣдь были тутъ и хорошіе люди, т. е. не злые. Эта жажда все новыхъ наслажденій, пригнупленные нервы, тяжелое безумство закружившагося въ вихрѣ человѣка и потери всякаго чувства мѣры дѣлала ихъ всѣхъ одинаковыми. Въ разгулѣ, въ винѣ, въ нездоровыхъ увлеченіяхъ топились таланты, умъ, живыя силы,—все, что только есть хорошаго въ человѣкѣ. И всѣ они прошли передъ ней, оставивъ тяжелый рои воспоминаній. И потому все это разлетѣлось, какъ дымъ, когда она сошлась съ красавцемъ Стрѣльскимъ. Собственно они не любили никогда другъ друга, а поддалась массовому настроенію — въ ней онъ желалъ обладать тѣмъ, чѣмъ восторгалась толпа, а она гордилась, что овладѣла красавцемъ-мужчиной, который имѣлъ какую-то роковую власть надъ женщинами. О любви не могло быть здѣсь и рѣчи, а онъ просто схватилъ ее, какъ волкъ хватаетъ овцу... И какая была жизнь, страшно вспомнить! Не было такого оскорбленія, которое они не нанесли бы другъ другу, и все-таки жили вмѣстѣ. Сколько разъ онъ билъ ее, билъ, какъ пьяный мужикъ, и она терпѣла, потому что потеряла всякое уваженіе къ самой себѣ, могла подчиниться только физическому превосходству.

„Вкрадчивымъ шепотомъ вы заглушаете
Звуки дневные песенныя, шумныя,—
Въ тихую ночь вы мой сонъ отгоняете,
Ночи безсонныя, ночи безумныя“...

Въ самый разгаръ этого безобразія старшій братъ Романъ влюбился въ Настасью Петровну и чуть не зарѣзалъ Виктора, — она сама выхватила изъ его руки финляндскій ножъ. Тутъ она опомнилась немного и уѣхала совѣмъ.

Скитанье продолжалось года два. Она объѣздила почти всю Россію и убѣдилась только въ одномъ, что вездѣ одно и то же, и она та же. Были и неудачи, но у нея было громкое, хотя и скандальное имя, и вездѣ она являлась желанной гостьей.

Наконецъ, ее охватила тоска... Все было прожито, промотано, и ей захотѣлось вернуться назадъ. У Стрѣльскихъ служить она не желала и поэтому она выступила въ „Эльдорадо“. И опять успѣхъ безумный, бѣшеный...

— Нѣтъ, я не умру! шептала она.— Я жить хочу... дышать... О, все это пройдетъ! Я такая сильная, молодая... Жить, жить!.. Вѣдь живутъ же другіе?

Это минутное возбужденіе, вызванное волной воспоминаній, смѣнилось новымъ упадкомъ силъ. Не хватило воздуха и тамъ, гдѣ катилась рѣка, а въ глазахъ ходили темные круги... Пошатываясь и хватаясь за стѣну, Настасья Петровна едва дошла до кухни, гдѣ спала кухарка, она же и горничная.

— Что съ вами, барышня? спрашивала сонная баба.— Лица на васъ нѣтъ...

— Страшно мнѣ, Авдотья... Говори что нибудь.

— Да што я буду говорить-то, барышня?

— Да что хочешь... Ради Бога, говори. Если нѣтъ, вотъ что, бѣги сейчасъ туда же въ „Эльдорадо“, отыщи тамъ Алексиса. Знаешь, такой лысый?

— Да вѣдь теперь всѣ спятъ, барышня?

— Разбуди... скажи, что я умираю, чтобы сейчасъ-же шелъ сюда. Ради Бога... Такъ и скажи: барышня умираетъ.

Съ ней, дѣйствительно, сдѣлалось дурно, и Авдотья отпаивала ее холодной водой.

Пока Авдотья ѣздила за Алексисомъ, Настасья Петровна опять сидѣла у раскрытаго окна и жадно вслушивалась въ звуки, плывшіе по рѣкѣ.

Какъ она ждала этого Алексиса, какъ никогда и никого еще не ждала А вдругъ Авдотья его не найдеть? Но Авдотья исполнила порученіе въ точности, поругалась съ двумя ночными сторожами, едва не попала въ участокъ и вернулась съ Алексисомъ, бывшимъ замѣтно на веселѣ.

— Богиня, что съ вами? спрашивалъ онъ, цѣлуя у нея руки — Вижу и чувствую нервы...

Она расплакалась и безсильно опустила къ нему на грудь свою горѣвшую голову. Онъ утѣшалъ ее тѣми бессмысленными словами, какими утѣшаютъ плачущихъ дѣтей.

— Я васъ не отпущу... вы ночуете здѣсь, вотъ въ этой комнатѣ, повторяла она, дѣлая капризное лицо. — Мнѣ страшно... Вы думали когда нибудь о смерти, Алексисъ? Она была здѣсь... Я это чувствовала.

Онъ бережно усадилъ ее въ кресло, помѣстился у ея ногъ и, немного раскачиваясь изъ стороны въ сторону, принялся рассказывать о планѣ новаго „женскаго сада“. Она слушала его внимательно, положивъ свою руку къ нему на плечо, и въ тактъ разсказа кивала головой.

— Вы будете царицей, Настасья Петровна, а я вашимъ рабомъ... повторялъ Алексисъ. — Первымъ номеромъ будете, богиня.

— Да? Я знаю, что вы меня любите, Алексисъ, и мнѣ легко съ вами... Дайте мнѣ вашу руку и держите меня крѣпче: мнѣ кажется, что я не умру, если вы будете меня держать... И садъ будетъ, и все будетъ,—только не выпускай же моей руки.

Онъ опять рассказывалъ, увлекался своей идеей, а она склонила свою голову къ нему на плечо и въ такой позѣ заснула. Алексисъ не смѣлъ шевельнуться, въ смѣлъ дохнуть: на его плечѣ спала его счастье, его послѣднее безуміе...

По лицу Алексиса катились рѣдкія, пьяныя слезинки...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Спектакли зимняго сезона въ городскомъ театрѣ закончились пьесой Азова «Рабы золота». Многолюдное, разнокалиберное общество переполнило, какъ и въ день открытія сезона, зрительную залу, чтобы въ послѣдній разъ въ шумной формѣ выразить свои чувства. Дивертисментъ, въ которомъ приняли участіе лучшія силы труппы, со всей очевидностью показалъ и вкусы публики, и отношеніе къ послѣдней актерамъ. Было ясно, что мужской персоналъ не снискалъ себѣ особеннаго расположенія, что наибольшимъ успѣхомъ пользовались г-жи Саблина-Дольская и Андросова и что г. Соболищниковъ-Самаринъ и какъ антрепренеръ, и какъ актеръ заявилъ себя здѣсь съ выгодной стороны и оставилъ по себѣ добрую память. Разставаясь съ городомъ, послѣдній въ длинномъ стихотвореніи изложилъ свои заслуги предъ здѣшнимъ обществомъ. «Я исполнилъ свою миссію честно, воспѣлъ онъ въ стихахъ,—поставилъ театръ на значительную высоту и съ спокойной совѣстью оставляю дорогой мнѣ храмъ Мельпомены, увѣренный, что теперь ему бури не страшны». Неистовый взрывъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ

на эти скромныя слова. Г. Карамазовъ, который пользовался въ сезонѣ расположеніемъ райка, обратился къ публикѣ съ стихотвореніемъ въ прозѣ «дуракъ» и съ басней Крылова «свинья». То и другое прочиталъ онъ съ большимъ чувствомъ, даже съ горечью. Видно, отзывы прессы пришили этому актеру не по вкусу. За нимъ по той же тропѣ прошелся и г. Шатовъ. Въ куплетахъ г. Шатовъ прохватилъ господъ рецензентовъ. Наконецъ, г-жа Славатинская въ послѣдній разъ блеснула пѣніемъ пѣсни «захочу полюблю, захочу разлюблю». Только г-жи Саблина-Дольская и Андросова остались скромными исполнительницами прекрасныхъ стихотвореній. Оглядываясь мысленно на протекшій сезонъ, я не могу не назвать его «сезономъ театральнаго индифферентизма». Дирекціи стоило большихъ усилий привлечь вниманіе публики къ театру. Даже прекрасныя и тщательно поставленныя пьесы не давали сборовъ. Пришлось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ, какъ къ празднованію юбилея Толстого и Пушкина, къ постановкѣ Бухаринскаго «Измаила» (7 разъ), множеству бенефисовъ и т. д. Подъ влияніемъ неудачъ, пострадалъ отчасти репертуаръ, въ которомъ классическія пьесы почти отсутствовали; также очень мало было поставлено интересныхъ комедій. Въ распредѣленіи ролей иногда замѣтны были затрудненія дирекціи, нѣкоторые актеры играли слишкомъ мало (г-жа Дольская, г. Короткевичъ), другіе часто исполняли роли не своего амплуа (г. Шатовъ, г. Тройницкій г-жа Соколовская). Стройное хорошее впечатлѣніе оставили въ публикѣ пьесы: «Золотая Ева», «Потонувшій колоколь», «Казнь», «За чужой грѣхъ» и «Рабы золота». Въ первой половинѣ сезона наибольшій успѣхъ вышлѣ на долю г-жи Саблиной-Дольской, во второй—на долю г-жи Андросовой. Г. Тройницкій вообще особенными симпатіями не пользовался. Актеръ онъ талантливый, но мало вдумчивый игра его неровная, беспокойная, очень часто переигрываетъ, любитъ вычурныя жесты и движенія; роли знаетъ хорошо. Г. Карамазовъ былъ все время приличнымъ исполнителемъ. Дара-Владиміровъ—актеръ добросовѣстный; не имѣлъ ни успѣха, ни не успѣха. Наибольшимъ вниманіемъ пользовался комикъ г. Разсудовъ. Изъ женскаго персонала еще слѣдуетъ отмѣтить г-жу Соколовскую, талантливую исполнительницу бытовыхъ ролей. Слабы были комическая и драматическая старуха въ труппѣ: г-жи Мерянская и Рѣшимова. Въ итогѣ, антреприза, повидимому, убытковъ не понесла.

Со второй недѣли поста начинаются спектакли труппы Корша съ участіемъ г-жи Азогаровой.

В. Д—скій.

ТИФЛИСЬ. Даваемые ежегодно мѣстнымъ Отдѣленіемъ Имп. Музык. О-ва симфоническія собранія въ текущемъ сезонѣ перенесены въ Казенный театр, гдѣ до настоящаго времени состоялось три собранія (изъ объявленныхъ пяти) подъ управленіемъ директора музыкальнаго училища Н. С. Кленовскаго.

Въ симфоническихъ собраніяхъ участвуетъ оперный оркестръ, усиленный преподавателями и учащимися музык. училища. Благодаря энергіи Н. С. Кленовскаго, въ лицѣ котораго мы имѣемъ не только образованнаго музыканта, но и весьма талантливаго директора, умѣющаго одушевить оркестръ и извлечь изъ него полную звучность, всѣ собранія прошли съ большимъ музыкальнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ. Изъ солистовъ пока выступили: М. В. Сербуловъ и г-жа Терминская. Первый, недавно приглашенный преподавателемъ музык. училища, дебютировалъ концертомъ для скрипки съ оркестромъ Вьетана (E—dur, соч. 10) и своей виртуозной игрой сразу завоевалъ симпатіи публики; вторая—эффектнымъ исполненіемъ фортепіаннаго концерта Литольфа поддержала ту лестную репутацію, которая установилась за этой серьезной артисткой.

Изъ произведеній, впервые вошедшихъ въ программы собраній настоящаго сезона, наиболѣе понравились: «Битва гунновъ»—Листа, «Испанское каприччио»—Римскаго-Корсакова, «Шехеразада»—его жеизъ «И новаго свѣта» (симфонія е— moll) Дворжака.

Неменьшимъ успѣхомъ пользуются у насъ квартетныя собранія, устраиваемыя тѣмъ же Отд. Имп. Муз. О-ва въ залѣ Кредитнаго Общества. Составъ квартета: М. В. Сербуловъ, В. Р. Вильшанъ, Г. С. Доберъ и Г. Г. Талентъ. Хотя въ этомъ составѣ квартетъ выступаетъ у насъ впервые, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ уже достаточно сыгратъ и—при серьезной программѣ—дать стройное исполненіе.

Параллельно съ квартетомъ Муз. О. возникъ въ этомъ году такъ называемый «опозиціонный» квартетъ изъ бывшихъ преподавателей Музык. Уч. (М. Т. Васильевъ, С. Ф. Шифферъ, И. А. Аитовъ и В. И. Дубинскій), давшій одну серію собраній въ залѣ Артистическаго Общества, но этотъ кружокъ, несмотря на участіе въ немъ довольно извѣстныхъ публикѣ музыкантовъ, потерпѣлъ матеріальную неудачу и нынѣ распался.

Не веветъ также нашему оперному театру, дѣла котораго далеко неблестящи. Даже бенефисы артистовъ не даютъ сборовъ. Счастливымъ исключеніемъ, впрочемъ, былъ бенефисъ юлибима публики г. Максакова. Послѣдній, поставивъ такую

заграничную оперу какъ «Фаустъ», съумѣлъ привлечь переполненную зрительную залу и исполненіемъ роли Мефистофеля лишній разъ доказалъ разнообразіе своего сценическаго таланта и гибкость обширнаго голоса.

9 февраля въ бенефисъ заведующаго художественной частью г. Питоева поставлена впервые на нашей сценѣ «Савская царица» Гольдмарка. Опера разучена весьма тщательно и со стороны антрепризы сдѣланы большія затраты на декорации и костюмы, хотя въ результатѣ остается только пожалѣть, что этому скупному псевдо-классическому творенію нѣмецкаго композитора удѣлено больше вниманія, чѣмъ оно заслуживаетъ въ дѣйствительности.

На весенній сезонъ казенный театръ сданы харьковской драматической труппы, въ составъ которой вошли: г-жа Стрессова-Сокольская, Диѣрова, Петина, Велизарій, Карпенко, Веймановъ и гг. Шувановъ, Петина, Самойловъ, Смирновъ, Соловьевъ и др. Спектакли начнутся со 2-го дня Пасхи.

Л—я.

ВИЛЬНО. 18 го февраля въ городскомъ театрѣ состоялся торжественный спектакль, посвященный памяти А. С. Пушкина. Были поставлены отрывки изъ «Скунаго рыцаря» (сцена въ подвалѣ — г. Пероновъ), «Русалки» (прощаніе князя съ Наташей; князь — г. Бѣлгородскій, Наташа — Шенеская, мельникъ — Норинъ), «Евгенія Онѣгина» (сцена признанія — Онѣгинъ — г. Добровольскій, Татьяна — г-жа Лермина), «Бориса Годунова» (сцена въ корнѣяхъ — Гришка Отрепѣевъ — г. Гедике, хозяйка — г-жа Алексѣева, 1-й приставъ — г. Тупковъ, 2-й — г. Массинъ, Мисаилъ — г. Ржевскій, Варлаамъ — г. Норинъ, «Каменнаго гостя» (памятникъ командора Донна-Анна — г-жа Абарова, Донъ-Жуанъ — г. Воробей-Сверанскій, Лепорелло — г. Грузинскій). Въ заключеніе поставленъ апофеозъ-интермедія съ пѣніемъ «Славы» передъ бюстомъ А. С. Пушкина. Апофеозъ вызвалъ бурю аплодисментовъ по адресу всѣхъ участвовавшихъ во главѣ съ директоромъ г. Незлобинымъ, изображавшимъ Руслана. Этотъ самый спектакль былъ повторенъ въ четвергъ, 25-го, утромъ, бесплатно для учащихся въ Виленск. учебн. заведеніяхъ. Въ четвергъ же вечеромъ состоялся бенефисъ К. П. Незлобина («Новое дѣло» — Немировича-Данченко).

Гвоздемъ нынѣшняго сезона служилъ «Потонувшій колоколъ» Гауптмана, прошедшій около 15 разъ. Пьеса и исполнители пользовались хорошимъ успѣхомъ: г. Незлобинъ — Генрашъ, Раутенделейнъ — Шенеская, Воляной — г. Пероновъ, Млшій — Грузинскій, пасторъ — Норинъ, Магда — г-жа Лермина, Виттиха — г-жа Нелюбова. Роли въ пьесѣ всѣ артисты играютъ наизусть, суфлерская будка во время представленія «Потонувшаго колокола» снята.

Со второй недѣли Великаго поста спектакли драматической труппы г. Незлобина будутъ продолжаться по 21-е марта. Репертуаръ: «Борцы», «Дикарка», «Безприданница», «Бой бѣлочекъ», «Волшебная сказка», «Юношество», «Блестящая карьера». Для участія въ этихъ спектакляхъ приглашена любимица здѣшней публики г-жа Коммисаржевская, служившая, какъ извѣстно, въ труппѣ г. Незлобина до поступленія на Императорскую сцену.

Съ 23-го марта начнутся спектакли малороссійской труппы г. Кропивницкаго.

Директоръ городского театра г. Незлобинъ заарендовалъ на лѣто лѣтній театръ въ Бѣлостокѣ.

А. Ф. К.

ВОРОНЕЖЪ. Нашъ городской театръ сданы на будущій сезонъ Линтвареву, и сданы на цѣлыхъ три тысячи дорожке, чѣмъ въ прошлыхъ годахъ. Хотя, къ счастью, въ данномъ случаѣ арендаторъ явится, вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ и антрепренеромъ, значитъ переступокъ театра второму и третьему лицу не предвидится, все же можно ли требовать отъ антрепренера хорошей труппы и дешевыхъ мѣстъ, когда изъ него почти всѣ соки уже высосаны за аренду?

З. А. Малиновская кончаетъ сезонъ значительно лучше, чѣмъ можно было думать вначалѣ; публика, повидимому, наконецъ, примирилась съ труппой и съ постановкой этого дѣла. Мужской персоналъ труппы слѣдуетъ признать довольно сильнымъ: гг. Левицкій, Степановъ, Блажевъ, Абрамовъ, Шумовъ, Невѣровъ-Андреевъ — всегда были бы на мѣстѣ на любой большой провинціальной сценѣ. Что же касается женскаго персонала, то онъ значительно слабѣе. Пьесы, въ которыхъ нѣсколько женскихъ не выигрышныхъ ролей, проходили сплошь и рядомъ блѣдно.

Изъ сыгранныхъ за послѣднее время пьесъ стоитъ упомянуть «Казань», которая, при сомнительныхъ литературныхъ достоинствахъ, очень сценична и смотрится съ большимъ интересомъ. Красиво былъ поставленъ «Новый мѣръ», въ бенефисъ г-жи Малиновской, получившей цвѣты и нѣсколько подарковъ отъ публики, а также отъ товарищей. Больше чѣмъ прилично разыграли трагедію Толстого «Царь Борисъ», гдѣ заглавную роль г. Левицкій провелъ обдуманно и цѣльно; г-жи Микульская, Работнова, Азаревская произвели тоже хорошее впечатлѣніе. Не разъ ужъ я отмѣчалъ тотъ отраднй фактъ, что значительная, истинно-художественная вещь всегда вызываютъ со стороны исполнителей особенное стараніе, и потому проходить гораздо удачнѣе пустяковъ.

Въ труппу принята новая актриса, — г-жа Марина-Морская; выступила она въ «Ольгѣ Ранцевой» и имѣла вѣншій успѣхъ.

И. С.—вѣ.

РЫБИНСКЪ. 28 февраля состоялся послѣдній спектакль сезона, продолжавшагося ровно пять мѣсяцевъ. Поставлено было всего восемьдесятъ два спектакля, въ томъ числѣ: одно 19 общедоступныхъ.

Г. Максимуму поднесенъ былъ прочувствованный адресъ. Шла для закрытія «Женитьба Блудина».

Въ женскомъ персоналѣ выдѣлились г-жа Астахова (героини) и въ роляхъ ingénue dramatique г-жа Горина. Изъ мужского персонала болѣе другихъ заявили себя П. Е. Максимумъ и К. С. Усольцевъ-Сибирякъ, участвовавшие почти безъ пропусковъ во всѣхъ пьесахъ. Г. Усольцеву-Сибиряку артисты на одномъ изъ послѣднихъ спектаклей поднесли цѣнный подарокъ.

Дубровинъ.

ТУЛА. 22 февраля праздновался юбилей С. И. Томскаго, прослужившаго вѣрой и правдой 25 лѣтъ, изъ коихъ шесть послѣднихъ посвящены Тулѣ. Представленъ былъ «Кинъ», причемъ въ заглавной роли выступилъ бенефициантъ. Публика собралась очень много, хотя полного сбора не было. Сборъ достигъ 829 р. Чествованія были самыя сердечныя. При громѣ аплодисментовъ г. Томскаго вывели г-жа Рыбчинская и г. Скуратовъ; затѣмъ стали читаться адреса отъ публики, артистовъ и разныхъ просвѣдительныхъ обществъ; чтеніе каждаго адреса покрывалось аплодисментами. Затѣмъ читались телеграммы и подносились подарки.

Вещественныхъ проявленій симпатій было очень много. Отъ труппы была подана массивная, очень большая золотая лира, усыпанная брилліантами, отъ публики, выигрышный билетъ, брилліантовый перстень, серебряный сериизъ, серебряный жбанъ, мельхиоровый самоваръ, альбомъ и много другихъ.

Почтенная артистка труппы г-жа Гегеръ-Глазунова прочла симпатичному юбиляру прочувствованную рѣчь, которая произвела и на артистовъ, и на публику сильное впечатлѣніе. Въ концѣ рѣчи, вѣрнѣе сказать, въ заключеніе г. Скуратовымъ была прочитана благодарность, присланная юбиляру отъ начальника губерній, за образовательное направленіе его дѣла, служащее просвѣщенію народа и юношества.

Сезонъ, въ общемъ, пропелъ очень хорошо. Жалованіе актеры получили до конфійки. Сборъ доходилъ до очень крупныхъ цифръ. Такъ, бенефисъ г. Скуратова «Гамлетъ» далъ 900 р. сбора и затѣмъ шли еще нѣсколько разъ при большихъ сборахъ, даже съ аншлагами. Бенефисъ г-жи Рыбчинской 1-й далъ 600 р. сбора, бенефисъ Ворисовой 500 р., бенефисъ г. Томскаго первый около 800 и второй 829 и наконецъ 2-й бенефисъ г. Скуратова «Намаилъ» 1068 рублей; пьеса прошла еще нѣсколько разъ. Были, впрочемъ, и неудачные по сборамъ бенефисы. Такъ, не достигали 200 рублей валового сбора бенефисы гг. Занольской, Аргунина и Федотова. Репертуаръ былъ смѣшанный, но въ общемъ г. Томскій старался знакомить публику съ лучшими новинками, шедшими на Императорскихъ сценахъ и въ театрахъ Литературно-артистическаго Кружка. Постановка всегда тщательная, а постановка «Гамлета» и «Иямаила» даже хороша.

ЖИТОМІРЪ. Дѣла въ мѣстномъ городскомъ театрѣ плутъ очень удачно. Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Любова, начиная свои спектакли съ Рождества, получаетъ на марку болѣе рубля. Объясненія этого явленія слѣдуетъ искать, конечно, прежде всего въ самомъ составѣ товарищества, первые сюжеты котораго, въ лицѣ гг. Токаревой, Свободины, Орловской, Волховскаго, Либекова, Любина, Любова пользуются здѣсь большимъ успѣхомъ, а затѣмъ въ удачномъ репертуарѣ, составленномъ изъ лучшихъ современныхъ пьесъ или такихъ классическихъ, какъ «Тартюфъ». Не малую услугу драматическому товариществу оказало и предшествовавшее ему оперное, спектакли котораго, благодаря постановкѣ избитыхъ оперъ и отсутствію артистическихъ силъ, не могли бы удовлетворить требованію публики, и почти неосѣщались. Этотъ запасъ любви къ театру публика и перелила на драму. Въ результатѣ у драмы большой плюсъ, у оперы большой минусъ.

Ман. Дж.

ВЫБОРГЪ. Въ теченіи нынѣшняго театральнаго сезона нашъ городской театръ особенно охотно снимался антрепренерами изъ Петербурга. Русскіе спектакли посѣщались публикой довольно усердно, давая всегда хорошия сборы ихъ устройствамъ. Особеннымъ вниманіемъ пользовались спектакли, устраиваемые здѣсь бывшимъ артистомъ Императ. театровъ — Кравотынскимъ. Между прочимъ у насъ шли: «Питомка», «Ножъ моей жены», «Отверженные», «Контролеръ», «Джентельменъ», «Ранняя осень» и другія. Въ посту сюда пріѣзжаетъ труппа Василеостровскаго театра, которая намѣрена давать спектакли по два раза въ недѣлю.

И. Д.

БЕРДЯНСКЪ. Серія бенефисовъ въ нашемъ театрѣ закончилась прощальнымъ бенефисомъ распорядителя труппы г. В. С. Генбачева-Долина — 23-го февраля. Даны были: «Ночи безумныхъ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ Дещенва. Бенефициантъ выступилъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» въ роли Расплюва. Г. Генбачевъ-Долинъ еще молодой актеръ, — всего нѣ-

сколько лѣтъ на сценѣ, но въ теченіи сезона показали себя добросовѣстнымъ исполнителемъ. Для закрытія сезона назначена была новая пьеса «Пари биржи» или «Каиново племя», передѣланная изъ романа В. И. Немировича-Данченко, «Женитьба» Гоголя.

М. А. К.

СЫЗРАНЬ. Въ № 8 нашего журнала «Театръ и Искусство» я сообщалъ, что театръ съ садомъ на лѣтній сезонъ въ Сызрани сланъ г-жѣ Ивановой. Сейчасъ дѣло приняло другой оборотъ: г-жа Иванова по болѣзни, какъ говорятъ, раздумала вести дѣло, а поэтому театръ теперь перешелъ въ руки антрепренера К. М. Бориславскаго, — 1000 р. за сезонъ. Г. Бориславскій въ настоящее время держитъ «довольно большую» труппу въ г. Пензѣ. Надѣмся, что къ намъ г. Бориславскій явится съ солидными силами, чѣмъ только и обезпечить себѣ хорошіе сборы. Для Сызрани нужна не шаблонная болтовня со сцены, такъ называемая «нутряная», а обдуманная игра. Немаловажную роль въ успѣхѣ будетъ играть и разумный выборъ пьесъ. Мелодрамы не могутъ дать положительнаго результата, а скорѣе отрицательный. Очень важенъ и классическій репертуаръ съ добросовѣстными *mise en scène*.

Е. Д.—ва.

МАРИУПОЛЬ. Дѣла нашей театральной дирекціи за истекшій сезонъ были болѣе чѣмъ удовлетворительны, особенно за время гастролей Е. Н. Горевой. Если что можно поставить въ вину дирекціи—это слишкомъ малочисленный составъ труппы. Въ виду этого одному и тому же артисту приходилось играть по двѣ роли въ спектакль, что, конечно, портило впечатлѣніе.

Репертуаръ велся преимущественно серьезный и только изрѣдка ставились фарсы, мелодрамы и фееріи. Изъ труппы, какъ мы въ прошлый разъ сообщали, выдѣлялись г-жа Бибина, Изборская, Рене; гг. Мирскій, Рудаковъ, Жамсонъ, Московскій и Хомскій. Пріѣхавшій было къ намъ на нѣсколько спектаклей и названный дирекціей въ афишахъ «извѣстнымъ»

провинціальный трагикъ г. Рахимовъ, послѣ 5 спектаклей окончилъ свои гастроли, которые успѣхомъ не сопровождались.

Н. А. Б.

ИРКУТСКЪ. Съ Пасхи начинаются гастроли гг. Адельгеймъ. **БАКУ.** Въ теченіе Великаго поста будетъ играть оперная труппа подъ управленіемъ г. Зурабова.

НИКОЛАЕВЪ и **ХЕРСОНЪ** арендованы А. Г. Аяровымъ и П. П. Ивановскимъ. Будутъ двѣ переѣзныя труппы: драматическая и опереточная.

КИСЛОВОДСКЪ. Театръ вновь сланъ В. Л. Форкатти. Съ 15 іюня по 15 іюля будетъ драма при участіи гастролеровъ; съ 15 іюля опера, составленная изъ выдающихся силъ.

ПЕНЗА. Театръ и на будущій зимній сезонъ снятъ Н. М. Бориславскимъ.

РИГА. Режиссеромъ въ драматическое общество приглашенъ Г. И. Матковскій. На амплу героини приглашена г-жа Рахманова.

НОВОЧЕРНАСКЪ. Театръ на будущій зимній сезонъ сланъ вновь С. И. Крылову. Къ лѣтнему сезону г. Крыловъ предполагаетъ выстроить новый лѣтній театръ.

НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ. Вновь выстроенный прекрасный театръ городская Управа предполагаетъ сдать Н. Н. Синельникову. Такимъ образомъ г. Синельниковъ явится антрепренеромъ въ трехъ городахъ: Ростовѣ, Таганрогѣ и Нахичевани.

Справочный отдѣлъ.

П. М. КЛИМОВА. Драматическая инженеръ. Ищетъ ангажемента на лѣтній и зимній сезонъ. Адресъ: СПб. Лиговская, д. 119, кв. 4. № 229 (1—1).

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПОСТАВЩИКИ Литературно-Артистическаго Кружка Бр. А. и Л. Лейфертъ СПБ. Караванная, 18.

изготавливаютъ по заказу и предлагаютъ готовые новые и бывшіе въ употребленіи

≡ костюмы, декораціи, бутафорію, мебель, ≡
принимаютъ на себя декорировку и украшеніе залъ и здавій, устройство и оборудованіе постоянной и временной сцены и снабженіе ея всѣми приспособленіями.

КАТАЛОГЪ СЪ РИСУНКАМИ и подробнымъ прейсъ-курантомъ продается по 75 коп., съ пересылкой 1 руб. 16 коп. № 221 (2—2)

ЗАВОДЫ, ФАБРИКИ и ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЯ ФИРМЫ

извѣщаются: за расклейку объявленій на красивыхъ колоннахъ, разставленныхъ по всему г. Николаеву въ колич. 50 штукъ, срокомъ на

полъ-года, взимается 40 руб.

Объявленія на колоннахъ достигаютъ цѣли тѣмъ, что они читаются всѣми жителями г. Николаева, а также пріѣзжими, т. е. колонны имѣются около пристаней пароходовъ, пассажирскихъ станцій желѣзныхъ дорогъ и всѣхъ присутственныхъ мѣстъ.

Адресовать: г. Николаевъ (Херс. губ.) Контора Городскихъ колоннъ И. Фефербойма.

№ 12 (3—1).

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ (PATRIE!)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. Ф. Арбенина. (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала
„Театръ и Искусство“,

съ портретами исполнителей и рисунками съ декораціей при постановкѣ на сценѣ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СПб. Моховая, 45.

НОВАЯ КНИГА

Принципы Драматическаго Искусства РЕТШЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго М. В. Карнѣева подъ редакціею артиста Императорскихъ театровъ М. И. Писарева.

Цѣна 60 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала «Театръ и Искусство».

Миндальный кремъ (Crème d'amandes)

Вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ вѣжную и раздражительную кожу, но выносящую мыла.

Миндальный кремъ никогда не портится.

При употребленіи миндальнаго крема, лицо надолго сохраняетъ свою вѣжность и свѣжесть.

Банка въ 1 р., 60 к. и 30 к.

МЫЛО ИЗЪ МИНДАЛЬНОГО КРЕМА

Нѣмнѣйшее по составу, съ пріятнымъ ароматомъ. Кусокъ 50 коп.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ у изобрѣтателей: С.-Петербургъ. Разъѣзжая, № 13.

215 (г.—3).

Мастерская струнныхъ инструментовъ

В. В. ИВАНОВА.

сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратное изготовленіе новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипокъ, альтовъ, виолончели, контрабасовъ, смычковыхъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, мандалинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ вѣскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гуслей всѣхъ размѣровъ. Лучшія струны для всѣхъ инструментовъ.

209 (г.—1).

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ для волосъ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 2.

Въ Маломъ залѣ С.-Петербургской консерваторіи

въ Четвергъ, 11-го Марта 1899 г., въ 8 час. вечера,

КОНЦЕРТЪ

Г. А. ПАХУЛЬСКАГО

при участіи г-жи **Е. В. фонъ-Летцъ** и г-на **А. В. Кузнецова**.

Рояль фабрики **Я. Беккера**.

Нумерованные билеты по 5 р. 10 к., 4 р. 10 к., 3 р. 10 к., 2 р. 10 к., 1 р. 60 к. и 1 р. 10 к. въ музыкальномъ магазинѣ А. Югансена, Невскій пр., № 50, рядомъ съ пассажемъ. № 228 (1—1).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1899 г.

Вышло въ свѣтъ роскошное иллюстрированное изданіе

„Наши артистки“.

№ 1-й

В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКАЯ.

Критическій этюдъ Ю. Д. БѢЛЯЕВА.

Цѣна 1 руб.

Изд. СПб. Т-ва печ. и изд. дѣла «Трудъ»

Складъ изданій: СПб. Фонтанка, 86.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи журнала «Театръ и Искусство».

Продается вездѣ

СЪ РАЗР. С.Л.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.
ЛУДРА ЮНОСТИ
КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ
ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИ-
СТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУ-
ШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛЕГАЕТЪ КЪ
ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

Коробка 75 коп. и 40 коп.

(г.) № 195

Депю косметическихъ произведеній

Брокера, Ралле, Водло и друг. адѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ; также аптекарскіе, косметическіе, розиновые, перевязочные и хозяйствен. предметы. Сиб. Николаевская ул., № 73. № 160 (г.)

НОВАЯ КНИГА

Стихотворенія А. М. Ведорова.

Цѣна 1 р.

Типографія А. С. Суворина. Складъ изданій Книжн. магаа. Суворина.

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авеенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будищова и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Накалунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к., „Влюбленная“, др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“, шутка Немродова. Ц. 50 к., „Мопсикъ“, шутка въ 1 д. В. Бентовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртеньева“, др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“, ком., въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“. Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р., „Волшебная сказка“ Ц. 2 р., „Маріанна Ведель“. Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р. 50 к., „Лизистрата“ Э. Липперера. Ц. 1 р. 50 к., „Юность“. М. Гальбе. Ц. 1 р. 50 к., „Сирапо де-Бержеракъ“. Э. Ростана. Ц. 1 р. 50 к., „Невидимая сила“ Ц. 60 к., „Баба“ кп. Дм. Голицына. Ц. 1 р. 50 к., „Послѣдній Гость“. Ц. 60 к., „Силетия“ г-жи Верховской. Ц. 1 р. 50 к., „Страничка романа“ эт. въ 1 д. Берниковъ. Ц. 60 к., „Роковой дебютъ“, шутка въ 1 д. Ц. Д. Л. Ц. 50 коп., „За Королеву“, др. въ 5 д. Ц. 2 р., „Возчикъ Геншель“ Гаупмана Ц. 1 р. 50 к., „Казнь“ Гр. Ге. Ц. 1 р. 50 к., „Въ деревьяхъ“ К. Фоломѣва. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированный каталогъ костюмовъ и бутафарскихъ вещей Вр. А. и Л. Лейфертъ ц. 75 коп., „Графъ де-Ривооръ“ В. Сарду, пер. Н. Арбенина, Иллюстр. изд. ц. 1 р. 25 коп.

При выпискѣ пяти пьесъ дѣляется уступка въ 30%.

Типографія „Трудъ“, Фонтанка, 86.